

Павел Чук

ОТСТАВНИК

Отставник

Павел Чук
Отставник

«Автор»

2023

Чук П.

Отставник / П. Чук — «Автор», 2023 — (Отставник)

О нас никто не знает. Нас просто нет. Мы – не имеющие ни имени, Ни
прошлого. Есть только настоящее. Но горе тому, кто нарушит Приказ.

© Чук П., 2023

© Автор, 2023

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1	12
Глава 2	18
Глава 3	23
Глава 4	28
Глава 5	33
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Павел Чук

Отставник

ПРОЛОГ

О нас никто не знает. Нас просто нет.
Мы – не имеющие ни имени,
Ни прошлого. Есть только настоящее.
Но горе тому, кто нарушит Приказ.

Взяв объект в коробочку, пятеро воинов шли по длинному коридору. Предосторожность себя оправдывала. Сопровождаемый – один из бойцов подразделения, о котором ходили легенды. Это не просто солдаты, а машины для убийства. Их использовали только в экстремальных условиях и для выполнения, казалось, невыполнимых задач. Каждый боец спецподразделения прошёл специальную подготовку. Это звучит сухо, но в отобранных и обученных с раннего детства детях, довели до невероятных показателей выносливость, ловкость, скорость, а главное – научили анализировать обстановку. Если сформулировать одной фразой, то их учили любыми способами выполнить поставленную задачу.

Их мало. Менее сотни. Но они – элита элит гвардии Горгогоханской Империи. И сейчас одного из представителей славной гвардии вели не на допрос, а на суд. Его ожидал военный трибунал.

Дверная заслонка медленно поползла вверх и впустила конвой внутрь тускло освещённого зала. Посередине невысокий постамент, куда на жёсткое кресло усадили объект сопровождения. Освещение медленно стало нарастать и когда достигло своего максимума, громогласный доносящийся отовсюду голос, провозгласил:

– Встать! Суд идёт!

Из противоположного дверного проёма вышли пятеро облачённых в бесформенные балахоны. Они расселись за массивным столом и голос вновь провозгласил:

– Охрана свободна! Заседание пройдёт по специальной процедуре. Без присутствия посторонних.

– Ваша Честь и Совесть, подсудимый опасен и... – возразил старший конвоя, но его оборвали на полуслове.

– Исполнять, тегемён¹!

Мгновение колебаний. Понизить капитана до сержанта! Но командир конвойной группы стерпел. Не в его праве перечить Военному трибуналу.

– Командир Глен, – когда в зале кроме состава Военного трибунала и одиноко стоявшего в центре зала никого не осталось, заговорил один из судей. – Вас обвиняют в неисполнении приказа, нарушении воинской дисциплины и оскорблении старшего по званию. Что скажете в своё оправдание?

– Не виновен, – поднимая голову, впервые за долгие годы услышав своё, данное при рождении имя, произнёс одиноко стоявший посреди зала. Находясь под действием психотропных средств, он оставался в сознании и адекватно воспринимал обстановку. Окутывающие его силовые поля не давали, как и подобает солдату выпрямить спину, встречая смерть, но его волю не сломали, и он упорно сквозь зубы тихо повторил:

– Не виновен.

¹ Тегемён (здесь) – сержант. Далее приводятся привычные звания и воинские определения.

Он – один из последних хосков состоящих на службе Горгогоханской Империи, родившийся не путём генетического отбора, а в обычной семье на блуждающей в пространстве Космоса планете где-то недалеко от центра Галактики Скорпион под местным наименованием Эната, что означает: «Цветущий дом». Но семейное счастье длилось недолго. По величайшему указанию Императора детей, родившихся в тот злосчастный год, забрали на попечение Империи. И после многократных проверок предрасположенности, определили их судьбу. Кому-то выпало стать служащим Империи, кому-то заниматься торговлей, кто-то стал дипломатом. Но примерно половина из того отбора стала военными. Но на этом тщательный отсев не закончился. Десятилетия жёстких, граничащих с жестокостью тренировок отобрали из нескольких десятков тысяч кандидатов всего сотню. Но это уже были не те юнцы, а воины с невероятными психофизическими показателями, а добавить превосходную подготовку...

Годы шли. Одна война сменялась другой. Конфликты вспыхивали то на одном, то на другом из трёх континентов Энаты, а потом пришли Анторсы и система подготовки полностью поменялась. Вместо жёсткого отбора среди хосков – рождённых естественным путём, стали преобладать генетически усовершенствованные бойцы – миоры. Они были быстрее, сильнее, выносливее, но присутствовал один недостаток – они не ценили жизнь. Ни свою, ни чужую. В первый год участия миор в боях командование ужаснулось числом невозполнимых потерь. Но делать было нечего. Анторсы – свалившиеся с небес чужаки, быстро восполняли свои ряды и времени на подготовку хосков у Величайшей Империи Энаты, объединившей всех живущих на планете, не осталось.

Десятилетие идёт война и только сейчас наметился перелом, когда коренные жители планеты стали понемногу, медленно, но верно брать верх над свалившимися с небес чужаками...

– Бывший капитан Глен. Ваша вина доказана, не стоит отпираться. Имеется запись переговоров, слепок психоматрицы, согласно которой вы...

– Не ви-но-вен, – вновь прошептал подсудимый и его упорство оказало воздействие на Трибунал. Судьи переглянулись.

– Коллеги. Вероятно, неверно рассчитана доза подавителя, – высказал предположение один из судей.

– Не исключено, – согласился второй.

– Тем лучше, коллеги, – вступил в разговор третий, – временем мы не ограничены, предлагаю воспроизвести обвиняемому имеющиеся записи мыслеобразов. Так сказать, чтобы он вновь пережил то, что натворил. А мы с вами проследим его реакцию. Голосуем.

– За!

– За!

– Единогласно, – подвёл итог Председатель. – Включаем записи в хронологическом порядке?

– Да, но давайте не с финального эпизода, а за месяц до события, выборочно, но, чтобы и у обвиняемого, и у нас была возможность постепенно окунуться в круговорот событий.

– Согласен.

– Согласен, – прозвучали ответы судей, и Председатель отдал команду на воспроизведение данных из материалов дела. Демонстрация производилась не на материальном носителе: проекторе или экране, а напрямую транслировалась в мозг каждому из участников заседания, формируя образы, давая испытать то, что чувствовал, думал обвиняемый в конкретный момент времени.

Через мгновение обвиняемый дёрнулся и повис, окутанный блокирующими полями. Ему предстояло вновь, но со стороны пережить последние месяцы жизни...

– С возвращением, капитан! – приветствовал дежурный офицер вошедшего в бункер Глена.

– У себя?

– Да, но пока занят. Через пару минут освободится. Если не желаете ожидать, оставьте мыслеобраз, я передам.

– Нет, я подожду, – ответил Глен. Этому новомодному изобретению – слепку мыслеобраза он не доверял. Привык работать по старинке. Предпочитал докладывать начальству лично, видя глаза собеседника, чувствуя его реакцию на информацию, а не просто передав мыслеинформацию через помощника. Может за это его и недолюбливали, но что поделать. Их – хосков осталось всего девять и командовал ими капитан Глен.

– Входите капитан, – отrapортовал помощник, открывая дверь, – вас ожидают.

– Генерал... – начал доклад офицер, но его жестом остановили.

– Проходи. Знаешь, наверно, что видимся в последний раз? – задумчиво произнёс генерал, – меняют меня, переводят на другой фронт.

Под непосредственным командованием генерала Триска, Глен служил более трёх циклов и привык к его своеобразному ведению дел. Генерал не любил долгих рассуждений, всегда ставил чёткий, но короткий приказ. Не всегда он считался выполнимым, но такова служба. Главное, чтобы жертвы оправдывали результат. Не каждому солдату дано понять конечную цель стратегического плана, когда гибель целого подразделения в дальнейшем повлияет на исход войны. Но что нравилось Глену в генерале, тот всегда прислушивался к подчинённым.

– Известно, кто вас заменит? – осведомился Глен. Рапорт об очередной успешно проведённой операции подождёт. Тем более, с большой долей вероятности генерал в курсе событий и не настаивает на докладе, а от того, кто заменит опытного командира зависят жизни. И не только девятерых бойцов сверхсекретного подразделения о существовании которого знают два десятка высших офицеров, но и остальных, кто защищает свою Родину.

– Предполагаю, – произнёс генерал, жестом указывая на свободное место. Глен уселся. – И кандидатура меня не радует. Слышал про операцию близ Санипалы?

– Контрудар, что провалился? – вспомнил Глен крохи информации полугодовой давности о неудачной попытке окружения крупной группировки сил врага. В тот раз, напорвшись на встречный удар, едва удалось избежать разгрома и отвести завязшие в наступлении армии.

– Скорее не контрудар, а бойня. Там столько солдат полегло, что официальные сводки потерь видели единицы.

Глен попытался выудить из памяти, что ему известно о той операции, но так и не смог. Можно конечно сослаться, что это не его зона ответственности, другой фронт, но главные события войны он помнил отчётливо, а вот о контрударе полугодовой давности Северо-Восточного фронта в памяти остались только сухие данные, что такая операция имела место быть. И никаких подробностей, никаких важных с точки зрения получения опыта данных память не зафиксировала.

– И один из тех, кто планировал эту... этот позор в скором времени займёт моё место, – продолжал Трикс.

За годы службы под началом генерала, капитан Глен впервые видел его в таком подавленном состоянии духа. Бравый, местами жёсткий, но справедливый командир сейчас сидел, ссутулившись в своём генеральском кресле, а желваки его ходили. Он нервничал.

– Ладно... – встрепенулся генерал, приводя нервы в порядок. – Что у тебя?

– Приказ выполнен. Координаты установлены... – докладывал капитан результаты последней операции, а сам внимательно следил за генералом. Дав слабину, он за какие-то несколько секунд сумел привести себя в порядок, отрешиться от мрачных мыслей и настроиться на деловой лад.

Капитан Глен закончил доклад, ожидая следующих приказаний.

– Хвалю, капитан. Оперативно сработали. Передай благодарность подчинённым и подготовь представления к наградам. Отставить! – было встал для обращения капитан, но генерал

его остановил. – Присядь. Знаю, что из-за специфики подразделению не положено открытое награждение, но я что-нибудь придумаю. Проведу по другому ведомству. Ясно?

– Так точно!

– Вот и хорошо, а сейчас слушай мой последний приказ. Всему подразделению неделя отдыха...

– Коллеги, думаю здесь можно прокрутить на указанное время вперёд, – в отдалении прозвучал голос одного из судей.

– Не возражаю.

– Если за этот период нет ничего важного, то соглашусь, – ответил третий судья...

– Капитан Глен. Входите, вас ожидают.

Тот же бункер. Только лицо адъютанта капитан не узнал и немного замешкался, когда открылась герметичная дверь.

Прошли всего сутки, как он вернулся из краткосрочного отпуска, но впечатление от возвращения в родную часть не порадовали. Офицеры, с кем поддерживал контакт, кто курировал, обеспечивал слаженную работу его отряда, сменились. Даже старший интендант за этот короткий промежуток времени сумел сдать все дела и перевестись в другую часть. И поговаривали, что на новое место службы генерал Триск взял с собой чуть ли не всех толковых офицеров штаба фронта.

– Господин генерал, капитан Глен по вашему приказанию прибыл! – войдя в кабинет отрапортовал офицер.

– Проходите, капитан. Меня зовут генерал Дронга. Я назначен вместо генерала Триска. Это, – офицер указал на сидевшего рядом за большим столом офицера, – полковник Валин на следующую операцию он ваш куратор.

Глен и бровью не повёл. Ставить куратором специальной группы особого подчинения всего лишь полковника. Пусть и для выполнения только одного задания выходило за рамки предписания с грифом секретности «АА+», но приказ озвучен лично генералом и Глен не стал акцентировать на этом внимания, а генерал продолжал:

– Не знаю, довели до вас, но на группу пришло предписание о передислокации. Задание, которое получите – первое и последнее под моим командованием. Так что передаю вас из рук в руки полковнику. Можете пройти в соседнюю комнату.

– Полковник Валин Тревис, – представился офицер, когда закрылись двери защищённого от прослушивания помещения.

– Капитан Глен.

– Сколько у вас людей?

– Восемь. Я девятый.

– Что-то мало. Судя по званию в вашем подчинении находится минимум рота, если не батальон. Ну да ладно, задача стоит как раз по вашему профилю: необходимо проникнуть на территорию и выкрасть объект. Желательно без шума.

– Срок? И что за объект?

– На подготовку неделя. Объект – офицер предавший Империю.

– Известно где находится объект? – Глен уже прокручивал в уме план предстоящей операции. Его интересовали детали. Если выброска будет производиться летательным аппаратом из стратосферы, то это один комплект снаряжения, если спускаемым ботом, то можно взять с собой повышенный боезапас. Главный вопрос: как будет производиться эвакуация?

– Подробные инструкции получите позже. По неподтверждённым данным интересующий нас объект находится в хорошо оборудованном военном лагере где-то в горах Дисбра.

– Каким способом заброс и эвакуация? – не постеснялся, задал важный вопрос капитан.

– Заброс и эвакуация посадочным способом. Для проведения операции выделяют звено десантно-штурмовых ботов. – Глен хотел задать ещё несколько уточняющих вопросов, но полковник прервал разговор. – Всё. Карту местности и предварительный план операции получите завтра. Идите готовьтесь.

Приказ об изменении в плане и начале операции пришёл через трое суток. Хорошо, что капитан со своей группой был готов к такому повороту событий. Не в первый раз в быстро меняющейся обстановке приходится форсировать сроки выполнения задания.

– Капитан, – отозвал Глена к себе полковник, – группа готова?

– Так точно! – следя за погрузкой группы в боты, доложил капитан. Группа и вправду была готова к очередному заданию. Вооружение, снаряжение получено, проверено и согласованы детали взаимодействия.

– Обстоятельства изменились. Высадку придётся провести в десяти километрах. Далее марш-бросок в заданный квадрат и дальше по плану.

– Справимся, – сухо ответил капитан Глен.

Высадка прошла штатно.

– Группа! За мной! Бегом!

Не достигнув нужного квадрата, группа остановилась. Поступил новый приказ. Капитан Глен несколько раз перечитал полученное зашифрованное сообщение и запросил подтверждение.

– Капитан, что непонятного?! – нарушая все правила переговоров хоть и в закрытом канале, послышались возмущённые нотки полковника. – Всех, кто находится в заданном квадрате уничтожить! Особенно не дайте уйти объекту. Его биометрические данные вам известны.

– Что будем делать, командир? – осведомился заместитель группы.

– Прибудем в квадрат, осмотримся, – ответил Глен, но тихо добраться до конечного пункта не получилось. Их заметили и попытались поднять шум.

– К бою! Вперёд! – не колеблясь отдал команду Глен пресекая попытку сопротивления. Они первыми открыли огонь на поражение и дальше шли, убивая всех на своём пути.

– Командир, объект во втором слева строении, – доложил боец со сканером-идентификатором.

– Один?

– Нет. Фиксируется группа из трёх человек. Сигнатуры слились.

– Живой щит, – сделал вывод капитан, – Нестис, – Глен знаками указал штатному снайперу занять позицию и приготовиться открыть огонь.

В дверном проёме показались трое. Средних лет мужчина держал на руках ребёнка лет девяти, а рядом прижималась женщина. Они медленно вышли и остановились.

– Доклад по секторам! – запросил в канале связи Глен и убедившись, что сигнатуры живых объектов отсутствуют, обратился к мужчине, – отпустите заложников!

– Заложников?! – удивился мужчина, – солдат, если у тебя есть честь, выйди! Я без оружия!

– Подтверждаю отсутствие оружия, – послышалось в канале.

– Страхуйте! – отдал приказ Глен и вышел из-за укрытия.

– Целый капитан, – поморщившись произнёс мужчина, когда Глен остановился в нескольких метрах от него. – Я – командир сводного батальона дивизионного подчинения полковник Сверс. Бывший командир, бывший полковник, а это, – он жестом указал на ребёнка и женщину, – моя жена и сын. И знаешь, почему бывший? Потому что в отличии от тебя, капитан, отказался исполнять преступный приказ. Все те, кто были здесь – это оставшиеся в живых, сумевшие выбраться из мясорубки близ Велисс, что недалеко от города Санипалы. Слышал о такой? Вижу, что не слышал...

– Командир, – в канале раздался доклад заместителя, – в небе зафиксировано воздушное судно. Сигналы свой-чужой распознаны. Заходит на посадку.

– Оцепить район! Объект держать на прицеле. Без команды огонь не открывать!

Десантный бот опустил немного в стороне. Из его чрева проворно выскочила группа военных. Пятеро заняли круговую оборону, а один отделился от группы и торопливо направился к Глену.

– Капитан! Доклад, – осведомился полковник Валин. Это именно он прибыл в десантном боте.

– Задание выполнено. Объект захвачен в плен, – доложил Глен, не спуская глаз с человека, представившегося полковником Сверсом.

– Приказ был ликвидировать, капитан.

– В свете меняющейся обстановки, группе удалось захватить объект живым с двумя гражданскими, в том числе один ребёнок, – парировал Глен.

– Капитан, вы издеваетесь?! Приказ был всех ликвидировать!!! Исполнять!!!

Глен посмотрел на так и продолжавшего стоять с ребёнком на руках человека, на жавшуюся к ним женщину и ответил:

– Никак нет! Группа! «Пакет»!..

– Как понимаю, последняя фраза означала условный сигнал, – послышался голос одного из судей.

– Совершенно верно, коллега. Дальше как видите идёт скоротечный бой. Замечу, что погиб только полковник Валин, остальные или ранены, или сдались.

– Что произошло далее нам известно, предлагаю прекратить трансляцию мыслеобразов, – предложил третий судья.

– Соглашусь. Далее ничего интересного. Группа прибыла в часть, её разоружили, а капитана взяли под стражу.

– Они не сопротивлялись?

– Нет.

– Это радует. А-то скольких солдат могли не досчитаться.

– Коллеги, – взял бразды правления в свои руки Председатель трибунала, – мы с вами в очередной раз убедились, что обвиняемый нарушил приказ вышестоящего начальства. Лично лишил жизни офицера. Считаете выдвинутые Императорской армией обвинения обоснованными?

– Да.

– Да.

Судьи подтвердили обоснованность обвинений, а Председатель продолжал:

– Имеются в действиях обвиняемого смягчающие и отягчающие обстоятельства?

– Нет.

– Думаю, что есть, – диссонансом прозвучал голос второго судьи.

– Объяснитесь.

– Мы с вами забыли, коллеги, что капитан Глен – командир группы и не простой группы, а специального назначения, сформированной из хосков. Думаю, следует это учитывать.

– Считаете это отягчающим обстоятельством? – задал вопрос Председатель.

– Нет, наоборот. Приказ, отданный на поимку и впоследствии на ликвидацию дезертира, кстати, его дело ещё рассматривается и всплывает много нелицеприятных подробностей...

– Не отвлекайтесь судья. У нас на рассмотрении дело в отношении бывшего капитана Глена, а не дезертира-полковника.

– Именно так, Председатель. Считаю необходимо учитывать, что приказ, отданный группе хосков, явно не соответствует их профилю и квалификации. С заданием – поимкой дезертира, а при оказании сопротивления и ликвидацией, могла и должна была справиться

военная полиция Империи, а не специальный отряд, способный успешно работать в глубоком тылу врага.

– Соглашусь с коллегой, – произнёс первый судья.

– Смягчающее обстоятельство принимается, – без тени эмоций в голосе, произнёс Председатель, – обстоятельства, смягчающие и отягчающие вину учтены. Остаётся определить, виновен ли бывший капитан Глен в содеянном: неисполнение приказа и убийстве офицера Империи?

– Виновен.

– Виновен.

– Учитывая Положение о военном времени, нахождении подсудимого во время совершения преступления на действительной военной службе, бывшему капитану Глену назначается наказание – стирание психоматрицы с разрушением личности, а тело подлежит кремации...

В темноте небытия, где отсутствует само понятие «время», хаотично металась осколки сущности. Они искорками летали, соединяясь с родственной субстанцией и отвергали инородные. Собрав воедино все крупинки, сущность осознала себя личностью и захотела жить...

Глава 1

Детский надрывный крик раздался в медицинской палате.

– Вот и хорошо. Молодец. Мамаша, посмотри, у тебя сын родился, – показывая новорожденного говорила пожилая акушерка, – определились как назовёте? Что в метрике записывать будем?

– Н-нет ещё, – с трудом, но с улыбкой на лице произнесла средних лет женщина, – с именем пока не определились.

– Ничего страшного. Успеете. Николай опять в командировку укатил?

– Да. Скоро должен вернуться...

– О, какой! Смотри, он схватил меня за палец и так крепко держит!!! Не отпускает!

– Коль, осторожней. Как всё-таки назовём? Два месяца прошло, а до сих пор называем нашего малыша просто «сынок» или «малыш».

– Согласен. Мужчина должен с раннего детства привыкнуть к своему имени и гордиться им, – средних лет мужчина уложил сына в кроватку и обернулся к жене.

Обычная семья, где родился долгожданный ребёнок. Отцу – Николаю Сергеевичу Проторову скоро исполнится сорок, а жене – Елене Владимировне тридцать четыре. Живут в отдельной, но служебной квартире в закрытом для посторонних военном городке. Николай – командир роты морской пехоты, а жена – военный связист. Ничего необычного.

– Давай Богданом назовём? – вопросительно посмотрела на мужа жена. Все предварительные анализы: УЗИ и прочие проверки и приметы указывали, что родится дочка, но судьба распорядилась по-своему.

– Богдан Николаевич, Богдан Николаевич, – пробурчал Николай, словно пробуя на вкус как звучит имя отчество своего сына. Он так же, как и супруга был несказанно счастлив его рождению. Нервная работа, частые переезды, неожиданные командировки, отрицательно сказывались на семейной жизни, но призвание не выбирают.

С супругой Николай познакомился, будучи курсантом высшего военного училища. По сложившейся в училище практике из числа курсантов последнего курса отбирались самые подготовленные, отличники боевой и морально-политической подготовки, которые становились командирами взводов абитуриентов, изъявивших желание пройти вступительные испытания.

Елена – хрупкая, но с целеустремлённым взглядом девушка сразу привлекла его внимание. Как потом оказалось, она назло родителям вместо того, чтобы поступить в престижный гражданский ВУЗ выбрала стезю военнослужащего. И не из-за того, что возникали трудности в общении с противоположным полом, а наоборот, правильный овал лица, большие карие глаза и стройная фигура привлекала многих занять место супруга, а по совместительству и зятя влиятельного родителя. Недолго думая, Елена пошла наперекор родителям и в тайне поступила в первое попавшееся высшее военное училище и с успехом прошла вступительные испытания, а дальше... Дальше Николай получил распределение и убыл в свою первую воинскую часть, а через долгих семь лет судьба их вновь свела вместе и уже не отпускала, скрепив супружеские узы рождением ребёнка.

– Нет, Богдан как-то не звучит, – поморщившись ответил Николай.

– Тогда Сергей, в честь твоего отца? – предложила супруга.

– Сергей Николаевич, Сергей Николаевич – звучит. Но, Лен, – замялся Николай. В семье было не принято говорить о работе. Знакомые, друзья, сослуживцы часто бывали в гостях, но на всех распространялось такое правило, которое негласно действовало не только у них в

доме. – Я не рассказывал. Ведь знаешь, что Генка Вишняков – командир второго взвода погиб в предпоследнюю мою командировку.

– Да, знаю. Мы ведь вместе на прощании были. Его в закрытом гробу хоронили. Он гранату собой накрыл.

– Это он нас спас. Я с Вовкой Семёновым – сержантом у оконного проёма стоял и не заметил, что гранату закинули, а вот Генка заметил. Только и успел крикнуть: «Живите!», как прозвучал взрыв.

– Почему раньше не рассказал? – уткнувшись лицом в грудь и нервно стукнув кулачком, строго произнесла супруга.

– Не хотел тебя тревожить. Ты как раз беременна была, – оправдался Николай.

– Хочешь назвать сына Геной, Геннадием в честь Вишнякова?

– Да. Геннадий Николаевич – звучит, да и человек он был хороший, хоть и не пожил совсем. Может его тёжке удастся.

– Хорошо, убедил. Давай назовём сынишку Гена. А его дразнить не будут?

– Нашего Генку?! Ты посмотри, какой он богатырь! Вырастет так выше меня минимум на голову станет. Всего пару месяцев, а какой карапуз!..

– Знаешь, мне сегодня воспитательница из детского сада рассказала, что Генка подрался, – пара тихо разговаривала, лёжа в кровати.

– С кем?! Он там считай самый младший? Вот стóит тебя в первый раз отправить в детский сад, так что-то произойдёт, – без обид, но с укором произнесла супруга.

– Да. По возрасту самый младший, но по нему не скажешь, что ему всего три года. Ты и сама говорила, а сегодня и я убедился, что если этого не знать, то он ничем не выделяется от ребят из старшей группы. Если только говорить ещё толком не умеет.

– Так, рассказывай, что произошло?! С кем подрался и из-за чего?! Я вроде синяков не заметила и глаза не заплаканы.

– Не волнуйся. Всё нормально, но я и сам толком не понял. Вера Семёновна сказала, что какой-то Никита забрал у девочки игрушку. Генка подошёл, спокойно забрал. Отдал девочке. Не знаю, как зовут. Отвёл её в сторону и усадил играть, а когда Никита вновь попытался отобрать у девочки игрушку, то он толкнул его, свалил и стал прыгать на нём. Представляешь.

– Даже не знаю, что сказать.

– И Вера Семёновна сказала, что не знает, как поступить. Наказывать его за это или нет. Ведь он правильно поступил. Не дал в обиду слабого, заступился. Когда шли домой, я ему как смог объяснил, что правильно сделал, слабых надо защищать.

– Молодец! – супруга чмокнула мужа в щёку. – Кстати, тебе воспитательница рассказала, что он в саду плохо спит. Днём редко может заснуть, а когда всё-таки засыпает, то сон очень нервный.

– Нет, не говорила. Вроде ночью он спит нормально.

– Ты просто никогда его не укладывал. Он очень трудно засыпает и, если прислушаться, иногда всхлипывает, словно плачет.

– Странно. Не замечал.

– Мы и к педиатру ходили, но говорят, что всё нормально. Чуть подрастёт – пройдёт.

– Лучше бы спросила, когда он толком говорить начнёт.

– Спрашивала. Сказали не волноваться. Развитие идёт нормально. Заторможенности нет. Когда опять в командировку? – сменила тему разговора супруга. Сынок родился крупным, вследствие чего роды выдались тяжёлыми. Врачи предупреждали о риске: мол старородящая, тем более первые роды в таком возрасте. Но сознательно пошла на риск, а ещё постоянное нервное напряжение и неосознанный страх за постоянно отсутствующего мужа наложил свой отпечаток как на её здоровье, так и здоровье ребёнка.

- Я же только приехал.
- Не говори ерунду. Я знаю, что опять разнарядка пришла. Так, когда?
- Месяц на отдых дали...

– Сынок, мы уедем на несколько дней. Побудешь с тётей Катей?
– Почему? Я не хочу, чтобы вы уезжали! – парнишка на вид шести-семи лет стоял перед родителями и всем своим видом показывал, что не хочет их отпускать. Нет, он не капризничал, не ныл, а просто задавал неудобные вопросы. – Вы меня бросаете?

– Что ты, Геночка, сынок! Мы не бросаем тебя, но нам с папой надо уехать на несколько дней, – забеспокоилась такому утверждению мама.

– Я с вами!

– Дорога длинная, сын. Лето – жара. Тяжело придётся. Тем более, едем не на нашей машине, сломалась не вовремя.

– И что? Я уже большой! Потерплю!

– Да, большой, – с улыбкой ответил отец, потрепав парнишку по коротко стриженной голове, – скажи, сколько тебе лет?

– Мне пять лет! Скоро в школу! А я уже умею читать и считать до ста!!! Так вы возьмёте меня с собой?!

– Не можем. Правда, – объяснял отец. Как только Гена заговорил осознанными длинными предложениями, родители, а тем более врачи и воспитатели удивились его не по годам здоровым, логическим размышлениям. Он говорил мало, но сказанные фразы почти всегда ставили в тупик окружающих. Казалось, что разговариваешь не с пятилетним ребёнком, а как минимум с человеком, прожившим не один десяток лет. – Сегодня вечером нам надо быть далеко отсюда. Побывать там, думаю денёк, и мы вернёмся назад.

– А почему вы так неожиданно уезжаете? Что-то случилось? Ведь обычно только папа уезжает в командировки, а в последнее время он стал чаще оставаться дома, только поздно приходит, когда я уже сплю.

Семейная пара переглянулась.

– Понимаешь, – начал отец. Они не хотели говорить причину экстренного изменения планов, но посмотрев на любимую жену и получив молчаливое согласие, он осмелился рассказать причину срочного отъезда, – у твоей мамы умер отец и нам необходимо успеть на похороны. Из-за этого такая спешка.

– Сынок, каждый человек рано или поздно умирает и... – стала объяснять мама, но парнишка неожиданно перебил:

– Я знаю. И хочу с вами! Я не хочу расставаться!..

Парнишка смотрел на зарывшуюся за родителями дверь и слёзы текли у него по щекам.

– Геночка, папа и мама вернутся, – успокаивала тётя Катя, – ты даже не успеешь соскучиться. Хочешь, пойдём погуляем?

– Нет, – коротко ответил мальчик, продолжая стоять напротив закрытой двери.

– Не хочешь гулять, тогда давай порисуем. Ты же любишь рисовать или тебе книжку почитать?

– Нет. Они не вернутся, – повторил мальчик и пошёл в свою комнату...

В квартире не протолкнуться от мужчин в военной форме и женщин с чёрными платками, повязанными на голове.

– М-да. Глупо. Столько успешных командировок. Ни одной царапины, а здесь, – куря на балконе, произнёс офицер в чине полковника.

– Михалыч, ты мне объясни, что случилось, а-то я толком и не знаю. Только вернулся. Как жена сказала, так не поверил, – теребя в руках незажжённую сигарету, спросил майор.

– Что рассказывать, – тяжело вздохнул полковник, доставая вторую сигарету, – у Лены умер отец. Она с Николаем поехала на похороны, а на обратном пути навстречку выскочил грузовик. Авто восстановлению не подлежит, два трупа. Согласно заключению медиков скончались моментально, – сухо произнёс полковник.

– А кто виноват, что случилось?!

– Теперь это не важно, Серёг. У водилы грузовика вроде с сердцем что-то случилось. Ни то инфаркт, ни то инсульт. Жара, даже ночью какая стоит. Водила грузовика тоже скончался, только от сердечного приступа. Разговаривал с гайцами, предварительно у них и шансов не было увернуться или хотя бы в кювет соскочить, уйдя от столкновения. Всего в пяти-шести метрах вильнул грузовик, а Кольку знаешь... знал. Он любил быструю езду, тем более домой ехали, к сыну. Катерина рассказывала, что пока их не было, Генка замкнулся в себе, почти ничего не ел. Только сидел уставившись в одну точку часами. Вот и торопились.

– С пацаном что? С кем останется? У Николая-то вроде никого не осталось.

– Никого, – задумчиво произнёс полковник, – а родственничкам со стороны супруги он не нужен. Из них никто на похороны не приехал. Хотя бы венок передали, там соболезнования, про внука спросили, так ничего – тишина. А что делать, думаем. Хотел к себе забрать, но чувствую, что не выдюжу, да и жена только из больницы в больницу переезжает.

– Может я к себе возьму? Где трое, там и ещё одного воспитаем.

– Подумаем, не оставим пацана, – доставая следующую сигарету произнёс полковник и ненадолго задумавшись, продолжил, – примерно полгода назад из Генштаба секретка пришла. Я даже удивился, что такая информация и с грифом, пусть и «ДСП»². Так вот, при Министерстве Обороны недавно образован специализированный интернат для детей-сирот, оставшихся без попечения родителей-военнослужащих.

– Думаешь туда?

– Не знаю. Не хотелось бы. Но в справке-объективке, если не изменяет память, толково расписано. Вроде кадетского корпуса на полном обеспечении Министерства Обороны. Питание, обмундирование, обучение, в том числе и высшее профессиональное. По выпуску – жильё.

– Странно. Не думал, что в столице о детях озаботятся.

– Вот и я об этом. Не проста. Хотя, сколько таких как Генка?

– Не знаю, – пожал плечами майор.

– Вспомнил, читал прошлогоднюю сводку. Только в нашем округе с таким же вывертом судьбы как у Генки шесть ребят наберётся. Вот и озаботились видать в столице о пацанятах. Но ты прав. Сначала надо узнать, что это за специнтернат.

– Если что не так, Михалыч, мы о Генке позаботимся. Я со своей говорил. Она не против. Тут главное не затягивать.

– Понимаю. Ещё вчера своим знакомым из Генштаба позвонил. Попросил разузнать, что да как. Завтра ещё раз позвоню, – произнёс полковник и затушил сигарету, – ладно, пошли помянем.

Не успел полковник зайти в комнату, как он остановился и потянулся к телефону.

– Слушаю. Да, здравия желаю... Ты иди, я догоню...

Майор вернулся в комнату, где его встретила жена.

– Серёж.

– Да.

– Возьми, – она протянула ему поднос с тарелкой, – отнеси Гене. От нас он ничего не берёт.

– Плачет?

– Нет. Просто сидит в комнате. Ни на меня, ни на Екатерину Сергеевну не реагирует.

² ДСП – для служебного пользования.

- Думаешь у меня получится? Ему рассказали, что... или сам понял?
- Не знаю. Сходи, поговори с ним. Ты с Николаем Михайловичем разговаривал?
- Да. Но об этом потом. Хлеба ещё положи и пойду попробую поговорить.

Сергей Петрович остановился возле открытой двери второй комнаты. Её специально не закрывали, чтобы не оставлять пацана одного, но и старались излишне не тревожить. Майор перешагнул порог.

– Солдат! Что надо делать, когда в помещение входит старший по званию? – неизвестно почему выбрал такой стиль общения офицер. Он умел общаться с детьми. Всё-таки трое растут, но почему-то именно властно-повелительный тон начала общения показался ему более приемлемым в данной ситуации. Из прострации, в которой как он думал находится малолетний ребёнок лучше выводить, заинтересовав его неизвестным.

Ребёнок перевёл взгляд на вошедшего и тихо произнёс:

– Встают и подают команду: «Смирно!».

Майор опешил от такого ответа. Он рассчитывал, что тот скажет: «Не знаю» или не прореагирует на его слова, но правильный, согласно Уставу ответ, поставил его на короткое время в тупик.

– Правильно, – после непродолжительной паузы произнёс майор, ставя рядом с ребёнком поднос, – а что у нас сейчас по распорядку?

Генка пожал плечами.

– По распорядку у нас приём пищи. Так что разрешаю приступить. Тебе же расти надо. Не всё солдатом ходить.

– И тогда я стану майором? – Сергей неосознанно отметил, что Гена не уточнил: «Как мой папа», а только произнёс звание, но мимолётное беспокойство не отложилось в памяти.

– Непременно. Бери ложку, во-от. Давай, кушай. Сначала станешь лейтенантом, потом старшим лейтенантом, капитаном...

– Разве только за то, что хорошо кушаешь дают звания?

– Нет, конечно.

– Я хочу стать военным.

– Для этого надо учиться. Помнишь, мы приходили, и ты играл с Виталиком? Ты же с ним подружился, и вы хорошо ладили, – Сергей тщательно подбирал слова, стараясь не напоминать о произошедшей трагедии, не упоминать ни трагически погибшего отца, ни мать. «Пусть пройдёт время, – думал он, – а время – это самый лучший лекарь».

– Да. Помню.

– Хочешь жить с нами? Всегда будешь...

– Нет, – спокойно, но отчётливо произнёс Гена, что от единственного слова, впитавшего в себя властные нотки, майор вздрогнул и непроизвольно расправил плечи.

– Не хочешь? – Сергей хотел спросить: «Почему?», но ребёнок опередил.

– Я – военным. И стану самым лучшим.

– Как твой отец?

На этот вопрос Гена промолчал, насупившись.

– Поел? Вот и молодец. А теперь по распорядку у нас отдых. Приляг, полежи чуток.

Гена передал поднос с чистой тарелкой майору и кивнув прилёг на подушку.

– Как? – шёпотом спросила супруга.

– Поел. Но... он сказал, что к нам не хочет.

– Сергей, подойди! – позвал полковник.

– Генка не хочет к нам. Я только что с ним разговаривал, – вместе с супругой подошёл майор к Михалычу.

Словно не слыша констатации факта, полковник заговорил:

– Звонил знакомый из Генштаба. Сказал, что интернат хороший. С современным оборудованием, преподавателями чуть ли не профессорами, передовой методикой обучения, обеспечением по первому разряду и прочим. Его ведомство как раз его и курирует. Посоветовал не думать, а направить парнишку туда. Обещал проследить, чтобы всё было хорошо.

– В интернат? – едва слышно всхлипнула женщина.

– Тише, – успокаивая произнёс майор и обращаясь к Михалычу спросил, – ты ему доверяешь?

– Да, Серёж, как себе, – спокойно ответил полковник.

Глава 2

«Я же им говорил, что не хочу расставаться! А они не послушали, уехали», – лёжа в кровати размышлял Гена. Родители уехали поздно вечером, и он никак не мог уснуть. Он каким-то образом чувствовал, что больше их не увидит. А ещё Генка боялся ночи, но не темноты как таковой, а обстоятельства, что придётся закрыть глаза и погрузиться в сон. Раньше он не понимал, что за картинки видит пока спит потому что, проснувшись он их быстро забывал, но как ему исполнилось пять лет, то, что ему снилось начало обрывками, разрозненными фрагментами оставаться в памяти и он не знал, что с этим делать. Он хотел поделиться открытием с мамой, но она уехала и больше не вернётся. Гена отчётливо это понимал и не хотел их отпустить, но его не послушали.

Известие, что папы и мамы больше нет он случайно подслушал из разговора тёти Кати с кем-то по телефону. Она громко вскрикнула и стала причитать, повторяя: «Как же так. Как же так. Что же будет с Геночкой?! Он совсем один остался». И после этого он замкнулся в себе. Ему было страшно, что остался один, что такой хороший, тёплый окружающий мир где его любят, заботятся – рухнул.

От потери родных он долго не мог прийти в себя. Подолгу сидел в своей комнате и смотрел в одну точку. Перед его глазами мелькали приятные моменты жизни: как он гулял с мамой и папой и ему купили мороженое, что он с отцом пошёл на какой-то спортивный матч, где двадцать два взрослых мужчины бегали за одним мячиком, пиная его из стороны в сторону. Он не понимал смысла игры, но с интересом смотрел, как спортсмены стараются добраться до единственного мяча и со всей силой бьют его как можно дальше от себя.

За воспоминаниями его не беспокоили, и он так и продолжал бы сидеть в одиночестве, как в один из дней, когда в квартире было много народу не зашёл знакомый дядя. Заданный вопрос его заинтересовал и всколыхнул потаённые уголки памяти. Ответ сам пришёл ему на ум, а потом... потом всплыли казалось позабытые сны, что он когда-то был солдатом – лучшим солдатом.

– Добрый день, проходите.

– Я...

– Мне звонили, что вы приедете. Мальчик с вами? – говорила средних лет женщина, восседавшая в кабинете за массивным, ещё советских времён построики столом.

– Да, – ответил военный.

Сергей впервые оказался в ситуации, что робел от возложенной на него миссии. После долгих обсуждений, споров и увещаний Николай Михайлович поручил ему доставить в целости и сохранности в специнтернат ставшим сиротой Генку. Решающей крупинкой, перетянувшей чашу весов к этому решению стало желание самого ребёнка. Никакие уговоры, просьбы, обещания сердобольных женщин не смогли переубедить упрямого мальчика стать сыном кому-либо из семейных пар. И сейчас Сергей находился в кабинете директора специнтерната – Валентины Сергеевны Самсоновой. От опытного взгляда офицера не скрылась аккуратность, ненавязчиво изучающий, оценивающий взгляд собеседницы. Никакой кричащей косметики, никаких побрякушек. На столе ничего лишнего. Все бумаги аккуратно сложены в папки, одну из которых при его входе она тут же закрыла. Сам кабинет обставлен добротной, но никакой личной или другой информации, позволяющей сделать вывод о хозяйке кабинета ни на стенах, ни на столе не было.

«Бывшая разведчица-нелегал», – сделал вывод майор.

– Прошлись? Посмотрели? Если есть какие-то вопросы, задавайте, – осведомилась Валентина Сергеевна.

– Да, погуляли немного, – ответил майор. Специнтернат при Министерстве обороны располагался в ста километрах от столицы в живописном уголке посреди леса, укрытый от посторонних глаз непримечательными вывесками и отсутствием указателя при съезде с основной трассы. Но плохая, в ухабах, явно никогда не видавшая ремонта идущая вглубь леса дорога всего через несколько километров приобретала ухоженный вид и практически идеальное покрытие. На въезде на огороженную высоким забором территорию с предупреждающей надписью: «Собственность Министерства обороны. Проход закрыт», контрольно-пропускной пункт с автоматическими воротами.

Сергей думал придётся потрудиться, чтобы его вместе с задремавшим на заднем сиденье машины мальцом пропустили внутрь, но ворота открылись и автомобиль беспрепятственно заехал на охраняемую территорию, а что территория охраняется майор заметил сразу. Ему не раз приходилось бывать на спецобъектах, иногда инспектируя, но в основном «играть» плохих дядей, вознамерившихся совершить диверсию. И он сразу обратил внимание на количество камер видеонаблюдения, пассивных охранных систем и это его удивляло. Туда ли он приехал?! Слишком основательная система безопасности для объекта: «Интернат», пусть и при таком серьёзном ведомстве.

– Вижу вашу растерянность, – после недолгой паузы, продолжила Валентина Сергеевна, – давайте сама расскажу об учреждении.

– Интернате, – поправил Сергей.

– Мы стараемся не упоминать это понятие и заменяем его словом: «Учреждение». У детей кто постарше слово «Интернат» ассоциируется с неприятными образами и по рекомендации психологов стараемся исключить его из общения, – Валентина Сергеевна говорила быстро, словно ей каждый день приходится отвечать на одни и те же вопросы неоднократно.

– «Учреждение», звучит как-то... – не закончил свою мысль офицер.

– Да, учебное учреждение с постоянным пребыванием. Знаете, у спортсменов широко используется форма подготовки – спортивная школа с постоянным пребыванием. Но мы с вами отвлеклись.

– Извините. Гене сейчас шесть, а вы сказали, что есть дети и постарше.

– Предполагаете, что старшие станут обижать малышей? Не волнуйтесь, – впервые за всё время разговора Валентина Сергеевна улыбнулась, – за пять лет существования таких фактов не было, – Сергей хмыкнул и это не скрылось от опытного взгляда директрисы. – Понимаю, что поверить трудно, а тем более сразу довериться незнакомому человеку, но за порядком у нас смотрят даже не преподаватели или воспитатели, а сами дети, что поступили в учреждение в первый набор.

– Странно это всё, – пожал плечами офицер. Для него, а в особенности для женской половины принимавших участие в решении судьбы Генки, интернат вызывал отторжение и неприятие. Только настойчивость и упрямство самого парня заставило смириться с выбором. – Да, ещё хотел спросить. Как с посещением и... что потом? Специальность или институт?

– С посещением никак. Оно строго запрещено. Знаете, у большинства детей совсем никого не осталось и выделяться, пусть и редким, но общением с дальними родственниками, коими считают себя бывшие коллеги, мы настоятельно не рекомендуем. А на второй вопрос отвечу на примере. Учреждение функционирует давно и несколько детей достигли совершеннолетия, и вышли из его стен. Двое поступили в военный ВУЗ, а один человек в гражданский. Всем выделены сертификаты на жильё и подъёмные. И не сомневайтесь, у нас обучение построено по другой программе, не то что гражданские интернаты, – тут Валентина Сергеевна поморщилась, – мы с раннего детства готовим к самостоятельной жизни, чтобы, когда они выйдут за стены во взрослую жизнь, окружающий мир не стал для них шоком.

– Даже так?

– Да. Классы у нас небольшие. По пять-шесть человек. Образовательная программа построена, как и в средней школе, но с углубленным изучением физики, химии, литературы, языков и...

– Извините, – перебил офицер, – но насколько знаю, если у кого-то предрасположенность к точным наукам, то литература и искусство ему будет даваться нелегко.

– Вы правильно заметили: «Предрасположенность». В начале по специальной методике определяем предрасположенность и только потом начинаем обучение. Сильные стороны, что у воспитанника лучше всего развиты и даются легко – усиливаем, помогаем раскрыться, а слабые стараемся нивелировать или заместить.

– И как, удаётся? – не поверил Сергей. У самого трое растут, а чем хотят заниматься так и не определились. То всеми вместе в секцию шахмат запишутся, походят недолго и бросят, то на борьбу, то на футбол, то на моделирование, но результат один и тот же. Всего на пару недель хватает запала.

– Удаётся, – кивнула Валентина Сергеевна, – и как не прискорбно признать, чем раньше к нам попадает воспитанник, тем легче с ним дальше.

Офицер промолчал. Понятно, что перевоспитать человека невозможно, можно только воспитать и делается это в первые осознанные годы жизни, когда закладываются основы морально-этических норм.

– Что ж, думаю ответила на ваши вопросы. Есть пожелания или просьбы?

– Звонить можно?

– Можно, номер у вас есть. Это служебный телефон. Позвонив, вам ответят на все вопросы касаемые воспитанника.

– Мы тут вещи собрали, игрушки... они в машине остались.

– На первое время вещи пригодятся, оставляйте. И если есть любимая игрушка, а остальное – лишнее. Вам нужно время попрощаться?

– Да, – ответил Сергей. Теперь до него дошло, что с большой долей вероятности Генку больше не увидит. Оставалось ещё много вопросов, но в голове всё смешалось. Пока ехал он проговаривал их, а сейчас растерялся. Первоначально у него было желание взять с собой жену, но, когда договаривались о встрече, настоятельно рекомендовали не брать в качестве сопровождающих лиц с сильным эмоциональным фоном и ему пришлось ехать одному.

Дверь кабинета раскрылась, Сергей вышел. Мальчонка продолжал сидеть в коридоре с интересом разглядывая развешанные на стенах постеры. Сергей обратил внимание на красочно оформленные, больше походившие на произведение искусства плакаты. Они в неназойливой форме, в картинках, рассказывали-показывали устройство Вселенной, правила личной гигиены и ещё много чего, но тут мальчонка спрыгнул с дивана и подошёл к нему.

– Дядя Серёж, ты уезжаешь?

– Да, мне пора. Сейчас выйдет Валентина Сергеевна... – как трудно сказать пацану, что он останется тут... один, в незнакомом, чужом доме. Пусть будет обут, одет, накормлен и под присмотром, но... один. В принципе, как и эти больше полугода, что прошли с гибели его родителей Генка оставался один. Он не реагировал на ненавязчивые предложения остаться с кем в семье, но иногда играл с ребятами – детьми офицерско-сержантского состава. Но не надо быть провидцем, что Генка – этот пацанёнок шести лет отроду выбрал для себя судьбу. Его и отговаривали, и упрашивали, но не по годам быстро повзрослевший ребёнок стоял на своём. И сейчас, вместо того, чтобы ныть или упрашивать его не оставлять в чужом доме, он стоял и спокойно смотрел своими невинными, но серьёзными глазами на Сергея. – В машине твои вещи, пойдём заберём.

– Хорошо.

Они вышли, прошли немного и оказались на крытой парковке. Сергей всё время, что они шагали по ухоженным дорожкам, ожидал, что вот-вот Генка кинется к нему, сожмёт руку и скажет: «Дядя Серёж, забери меня», но они шли молча. Генка с интересом глазел по сторонам, а на душе Сергея кошки скреблись.

– Давай посмотрим, что тут нам собрали, – открыв багажник, с трудом произнёс офицер, – твои любимые игрушки, берёшь?

– Нет, – недолго подумав, ответил Гена, – мне папа с мамой портфель купили, его возьму. Мы его брали, я видел. Он где-то здесь.

– Портфель. Вот он. Что-то тяжёлый.

– Там всё, что нужно к первому классу, кроме учебников. Их не успели купить.

– Ничего страшного, в школу тебе осенью, а сейчас только весна.

– Лето скоро. Через месяц.

– Верно. Так, что тут ещё. Это зимние вещи, это...

– Добрый день Гена, – от неожиданности Сергей уронил обратно в багажник взятый пакет с вещами. Рядом стояла Валентина Сергеевна. Она подошла очень тихо, что офицер не заметил.

– Здравствуйте, – ответил пацанёнок, пытаясь открыть замок портфеля.

– Сергей Петрович, вы всё? Обед скоро. Хотела успеть представить Гену ребятам.

– Да-да. Минутку. Ген, что ещё? Тут много чего собрали...

– Дядя Серёж, не надо ничего. Что хотел, я взял, – перехватывая с правой руки в левую портфель, ответил Гена и протянул свободную руку. – Папа говорил, что здороваться и прощаться у офицеров принято отдаванием чести, но я не офицер и... спасибо за всё дядя Серёжа и тёте Тане, и тёте Лене, и тёте Кате. Пусть они не плачут по ночам. Всё будет хорошо.

Паренёк стоял с протянутой для рукопожатия рукой. Сергей в ответ выпрямился, отдал честь и протянул руку. На удивление рукопожатие у ребёнка оказалось крепкое, уверенное.

– Ну что Ген, пойдём? Знаешь, кто я?

– Знаю. Вы Валентина Сергеевна. Главная тут, как командир в части.

– Верно, – вновь улыбнулась директриса, – Сергей Петрович, мы пойдём, а вас как подвезете к КПП выпустят. До свидания, звоните, телефон знаете.

Сергей смотрел вслед шагающей неспешной походкой женщине и идущим рядом пацанёнком.

– Вот мы больше и не увидимся, Генка. Всего тебе хорошего и... прости нас, что не смогли уговорить, – тихо пробормотал Сергей.

По возвращению в город, его встретили женщины и Михалыч.

– Рассказывай, что там и как? Генка капризничал? – первым делом с расспросами, отбив от сердобольных женщин, увёл с собой курить на балкон полковник.

– Прошло всё как-то буднично, Михалыч. Генка не капризничал. Я пробовал его ещё раз уговорить остаться с нами, но он отказался. Всё мечтает стать солдатом. Точнее – лучшим солдатом.

– Да, я помню. Он и мне это говорил. А вообще, как в интернате, что за люди? Директора, преподавателей-воспитателей видел?

– С воспитателями поговорить не удалось, встречался с директрисой. Мужественная женщина, как понял из бывших. На интернат не похоже, скорее, как они сами называют это заведение – учреждение постоянного пребывания, вроде как у спортсменов на сборы собрали и живут там. Программа обучения...

– Эту бурду женщинам расскажешь, – перебил полковник, – сам какого мнения, не обманули, можно им малого доверить? Или связи поднимать и...

– Не стоит, Михалыч. Генка сам этого хотел. Не знаю, но у меня сложилось ощущение, что он был готов к этому.

– Это как? – не понял полковник, – как можно быть готовым к... ну, сам понимаешь к чему.

– А вот так. Сам не понимаю. У меня такое чувство, что его мы больше не увидим.

– Это ты брось! Через месяц у меня отпуск, и я собрался с женой к нему туда заехать, самому посмотреть, что и как. Как раз скоро ему в первый класс идти, подарки там к школе какие привезти или...

– Без «или», Михалыч. Дали номер телефона куда звонить если невтерпёж, интересоваться. Но настоятельно рекомендовали не приезжать. И я понял почему. У него другая жизнь начинается, совсем другая, а мы только мешать будем ему адаптироваться. Думаешь, как на него другие смотреть будут, если мы к нему одному по несколько раз в месяц навещать будем? Не качай головой, вижу, что понимаешь, не дурак.

– Значит...

– Значит надо думать, как успокаивать женщин. Они не поймут.

– Поймут. Попричитают немного, но поймут. Они ж видели, что Генка ни в какую не хотел оставаться. Да и жёны офицеров, как-никак. Ладно, пошли что ли?

– Ты иди, я сейчас.

Сергей остался стоять на балконе. Ночь постепенно вступала в свои права, скрывая солнце за горизонтом. Бордово-алый закат окрашивал здания многоэтажек в кровавый оттенок.

– Николай... – воздев голову вверх, произнёс Сергей. Он не верил во всякие мистические штучки, но почему-то именно сейчас ему захотелось выговориться, – ты прости, если что не так. Мы пытались, но так получилось, но может это и к лучшему. У Генки будет своя жизнь, та что он захочет, а не та, что мы своими хотелками старались бы сотворить. Он у тебя не по годам взрослый. Ты бы видел его сегодня, как он разговаривал с Валентиной Сергеевной и не скажешь, что ему всего шесть лет... Ладно, пора, женщины Михалыча уже затретируют. Надо его спасать. Прощай, Николай.

Глава 3

– Гена, распорядок у нас простой. Ты же ходил в детский сад? – осведомилась Валентина Сергеевна, сопровождая новенького воспитанника в столовую.

– Да. Но мне скоро в школу. В этом году.

– Это хорошо. Но до начала учебного года поживём по распорядку детского сада. Подъём в семь часов. Умывание, утренний туалет. Завтрак... – Валентина Сергеевна рассказывала распорядок дня, но Гена не слушал, он внимательно смотрел по сторонам. Ему всё было интересно. И его удивляло, что за всё время пока они шли по длинным коридорам им никто не встретился.

– Валентина Сергеевна, а почему столько мало людей? – перебил Гена продолжавшую говорить женщину.

– Разве должно быть много?

– Да. Территория большая, здесь много солдат разместится. И её надо убирать, охранять...

– Хм-м, – улыбнулась Валентина Сергеевна, – ты правильно заметил, что территория большая. Но мы занимаем всего лишь два здания. В одном располагаются спальные комнаты и второе, где учебные классы и подсобные помещения. Ты меня понимаешь? Не слишком умно говорю? – осведомилась Валентина Сергеевна. Она старалась говорить простым, понятным для дошкольника языком, но иногда не получалось упростить фразы, и она сомневалась, что новенький её понимает.

– Понимаю. Тогда получается, что остальные живут в других зданиях? Я насчитал восемь двухэтажных, три трёхэтажных и два очень больших одноэтажных.

– Ты умеешь считать? – удивилась женщина не тому, что он умеет считать, а что запомнил количество зданий и сооружений, расположенных на видимой части территории.

– До ста. Могу складывать и вычитать, а ещё я читать умею! – гордо произнёс Гена.

– Молодец! Вот мы и пришли. Оставляй здесь портфель, вот сюда клади. Его никто не заберёт, не бойся. Пойдём помоем руки, и я тебя представлю детям и воспитательнице. Её зовут Елена Степановна, но можно звать тётя Лена. Запомнил?..

Вечером после отбоя по заведённому правилу все воспитатели собирались в кабинете директора и говорили о прошедшем дне.

– Так, смотрю все собрались, – оторвала взгляд от изучения бумаг директриса, – сегодня у нас пополнение, двое новеньких: Гена – шести лет, сирота. Родители – военнослужащие, погибли в автокатастрофе и София – четырёх лет. После гибели отца, её мать отказалась от ребёнка. Светлана Сергеевна, обратите на неё внимание, помогите адаптироваться. Не знаю, что у них в семье произошло, но гибель отца она восприняла очень эмоционально, а расставание с матерью было тяжёлым. Наши психологи поработали с ней, не дали замкнуться, но посматривайте за ней, чтобы вновь не ушла в себя.

– Хорошо, Валентина Сергеевна, – ответила средних лет женщина.

Коллектив воспитателей состоял из женщин разного возраста, но всех объединяло одно – все они имели профильное образование и опыт работы с трудными подростками.

– Итак, Елена Степановна, начнём с вас, пожалуйста.

– День начался как обычно. Борис как всегда капризничал с утра, но он по своей природе «сова» и ему трудно вставать рано утром.

– Да, я обсуждала это с психологами, советуют не применять превентивных мер и постепенно он втянется в режим дня. Извини, что перебила.

– Ничего страшного, Валентина Сергеевна. Умылись, позавтракали, погуляли, поиграли. На обеде представили новенького Гену.

– Да, как его приняли? Не капризничал? – у Валентины Сергеевны была привычка перебивать говорившего и все с ней смирились.

– Нет. Я отвела его за свободный столик, усадила. Он немного посидел, а потом стал кушать. Ел с аппетитом. Вот только отказался спать днём, но не капризничал, а просто лежал с открытыми глазами.

– Не плакал?

– Нет. Но перед отбоем он тоже не хотел засыпать. Может чего боится. Я и ночник оставила включённым возле его кровати, но не заметила, что он боится темноты.

– Посмотрим. Через недельку, когда освоится, проведём полное медицинское обследование и начальные тесты. Как с ребятами, познакомился?

– Познакомился, но держится на дистанции. Времени прошло слишком мало, думаю, освоится.

– Понятно. Так, кто следующий?..

Вечернее обсуждение проблем минувшего дня закончилось. Валентина Сергеевна откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза. Кто бы мог подумать каких-то шесть лет назад, что бывшую разведчицу отзовут с заслуженной пенсии и не преподавать в закрытом учебном заведении, а возглавить специальное учреждение для детей сирот. Она долго отказывалась, ссылаясь, что не её профиль, не знает, как общаться с детьми и прочее, что не справится. Но по пути на очередную встречу, увидав сиротливо сидевшего на лавочке мальчонку, сердце её сжалось.

Из-за специфики работы детей у неё не было. Они самое слабое звено, как говорил её преподаватель тактики агентурной работы. У любого человека есть тот рычажок, та кнопка, нажав на которую тот сделает всё что потребуют, и чем меньше таких «кнопок», тем лучше для агента. Эту нравоучительную отповедь она запомнила на всю дальнейшую жизнь. И проработав тридцать лет на нелегальном положении так и не обзавелась детьми. Хотя в юности, будучи молодой, она грезила, что выйдет замуж, у них будет счастливая семья с тремя детьми, не меньше. Семья была, был скорострительно скончавшийся муж, но вот детей... И теперь она всю себя посветила делу, чтобы оставшиеся без родителей дети не чувствовали себя обделёнными, но и была другая причина, о которой знали немногие.

Валентина Сергеевна поднялась из кресла, прошла по кабинету, по привычке проверила не осталось ли чего на столе и вышла из административного здания. Все воспитатели учреждения проживали на закрытой территории, а сменный персонал состоял в основном из прибывающих учителей, психологов, медиков и прочих узкопрофильных специалистов. А вот штат подсобных рабочих состоял из солдат и сержантов, но в эту вотчину она не лезла. Налаживанием быта и прочей рутинной работой занимался комендант учреждения – майор Ольшанский Игорь Леонидович. К нему она сейчас и направлялась.

– Добрый вечер Валентина Сергеевна, с чем пожаловали? Проблемы? – осведомился майор, приглашая позднего посетителя в кабинет.

– Двое новеньких. Заявку принесла. Девочка София ещё маленькая, нужны для неё соответствующие возрасту одежда, игрушки. Я тут примерный список написала.

– Понятно, – быстро пробежав по листу бумаги, произнёс майор, – а для второго, разве ничего не нужно?

– Второй – мальчик шести лет. Гена зовут. На этот возраст у нас почти всё есть. Только ближе к новому учебному году понадобится. Я чуть позже заявку составлю.

– Хорошо. Через пару дней доставим. Что-то ещё?

– Да, на несколько недель необходим психолог для Софии, чтобы пообщался с ней. Боюсь станет замыкаться, потом не «разморозим».

– И это устроим. Кстати, по поводу нового учебного года. Да, где же она... – засуетился майор.

– Вы о расширении программы обучения?

– Да. Именно об этом. Сторонних преподавателей станет слишком много, придётся усилить режим во время их здесь пребывания. Минимизировать контакты со сторонними, с теми, кого им не нужно видеть и знать.

– Я проведу беседу со своими людьми. Но может отобрать тех преподавателей, что не станут покидать территорию учреждения? – вопрос был логичным. Зачем через день забирать человека из города, везти его сюда на полдня, а потом возвращать обратно. Режим секретности на объекте устанавливала не она, но что это такое директриса знала не понаслышке.

– Не все с необходимыми знаниями и умениями согласятся поселиться в глухом, отрезанном от цивилизации месте.

– Вы слишком много требуете. Кстати, есть сведения о выпускниках? Почти год прошёл, как первые птенцы гнезда Васильева³ вышли в свет, а у меня всё та, первичная информация, что получила.

– Странно это слышать от вас, Валентина Сергеевна, – хмыкнул майор. Он знал, кем была в своё время смирно сидевшая напротив женщина и только догадывался, за какие заслуги ей в закрытой обстановке вручили высшую награду страны, но не ожидал от неё такого вопроса.

– Понимаю, мы о них больше не услышим?

– С такой фамилией и прошлым, точно нет.

– Значит, не зря стараемся...

Гена лежал, смотря как мерцает тусклый огонёк ночника. Его искусственное пламя, стилизованное под неровный, мерцающий свет свечи, успокаивал, но Гена продолжал лежать, следя как они причудливо танцуют. Первый день на новом месте прошёл так, что он и не заметил. Сначала долгая дорога, потом короткий разговор и вот он стоит вместе с воспитательницей тётёй Леной в центре столовой, его представляют.

– Дети, познакомьтесь. Это Гена. С сегодняшнего дня он у нас в группе. Проходи на свободное место, там накрыто.

– Я – Боря, – указал на себя худощавый паренёк, сидевший напротив, – а это Игорь, – он указал жестом на сидевшего справа.

– Гена.

За время поездки Гена проголодался, но не настолько, чтобы набрасываться на еду. Он осмотрелся, перебросился ещё парой фраз с сидевшими за одним с ним столом ребятами и принялся есть. Наступил тихий час.

В детском саду все воспитатели знали, что он не спит после обеда, а сидит отдельно, или рисует, или сидит читает, рассматривая книжные картинки, но наверно не предупредили тётю Лену и она уложила его в кровать. Но он не спал. Смотрел, изучал стену напротив, где были развешены рисунки. А потом они играли, гуляли, смотрели мультики и наступил вечер и после ужина он лежал в кровати детской спальни.

Гена вспоминал прошедший день и незаметно для себя уснул...

– Курсант Глен! Выйти из строя!!! – просторный плац, где выстроились выпускники военно-космической академии. Отдельно ото всех, выделяясь чётким строем и мужественным видом стояли два десятка курсантов. Один из них, подав сигнал впереди стоявшему, вышел из строя.

³ Птенцы гнезда Васильева (здесь) – сленговое обозначение выпускников. Перефразированная фраза из поэмы А.С. Пушкина «Полтава» – «Птенцы гнезда Петрова». В данном случае используется фамилия Министра Обороны генерала-армии Васильева С.А.

– Курсант Глен, поздравляю вас с успешным окончанием академии и с присвоением первого офицерского звания – лейтенант! – продолжал говорить офицер в тёмно-синей форме с погонами полковника Планетарного десанта.

– Служу Империи! – отозвался лейтенант.

– Нас завтра отправляют? – после официальной части вручения знака об окончании учебного заведения и присвоения первого офицерского звания, в кубрике собрались те, кто стояли отдельно ото всего строя.

– Нет. Убываем сегодня, – ответил Глен, – сам знаешь, эти полгода мы тут, считай в отпуске были.

– Ясно. Хоть отдохнули немного. И звание офицерское присвоили официально и курс прошли. Известно, хоть куда отправляют?

– Пока нет. В пути доведут приказ. Так что, не расслабляемся...

Невыносимо мучала жара. Палящее солнце не скрывалось с небосвода третьи сутки, но группа шла, делая короткие остановки.

– Командир, долго ещё?

– Километра четыре, по прямой.

– А если зигзагом?

– Все десять. Стоп, привал!

Ошибка в выборе способа десантирования изменила план и поставила под угрозу выполнение задания. И теперь группе приходится совершать вынужденный марш-бросок до цели...

– Командир, оставь. Вдвоём не дойдём.

– Заткнись! Не говори, – прошипел Глен. Они – двое солдат-хосков сутки скрывались в густых зарослях величавых деревьев. Задание успешно выполнено, но группа практически уничтожена. Их осталось двое. От маршрута в квадрат, где предполагалась эвакуация, они отклонились в противоположное направление и если их и ищут, то в другом месте. Но по-другому не вырваться из кольца. После успешно проведённой ликвидации командира, противник словно озверел. Открыл огонь из всех калибров и пришлось отходить незапланированным маршрутом. Хорошо, что удалось оторваться от преследователей...

– Потерпи Норс, чуть-чуть осталось, – облокотившись о ствол массивного дерева, произнёс Глен. Если кто его бы сейчас увидел, то не узнал. За трое суток блуждания по непроходимым лесам Венарсы⁴ он осунулся. От постоянно палящего светила кожа лица приобрела бронзовый блеск, а волосы на голове выцвели и приобрели серебристый оттенок.

– Воды...

– Сейчас-сейчас, – Глен снял с пояса флягу. Вода ещё этим утром закончилась, но может удастся раздобыть её из ствола дерева, – подожди немного, я сейчас...

Голова гудела, раскалывалась на части. Чувствовался солоноватый привкус крови, но сглотнуть её не получается. Во рту не осталось ни единой капли слюны. С большим трудом Глен открыл глаза. Он лежал на боку, уткнувшись лицом в массивный корень, а примерно в полусотне шагах от него бушевал огонь...

Гена рывком открыл глаза, но перед его взором до сих пор стоял медленно приближающийся огненный вал. Он тяжело дышал, не понимая где находится. Захотелось встать и бежать куда угодно, главное подальше от этого жара, что только что обжигал его лицо и руки. Он чувствовал, как от высокой температуры трескается кожа, как по одному или сразу десятком, вспыхнув, мгновенно сгорают его волосы. Он замотал головой, обхватывая её руками и сквозь огненный туман до него стали долетать едва знакомые голоса:

– Что с ним? – говорил беспокойный женский голос.

⁴ Венарса (здесь) – наименование территории.

– Не знаю, тётя Лена. Он спал, а потом стал кричать что-то непонятное и я вас позвал.
– Правильно сделал. Гена! Убери руки от лица и посмотри на меня! Гена, ты меня слышишь?!

– А... что??? – мягкое прикосновение словно удар током пронзил всё тело.

– Что с тобой, как себя чувствуешь? – говорила воспитательница.

Гена поднял заплаканные глаза на тётю Лену. Он тяжело дышал, словно пробежал десяток километров и только что остановился.

– В-воды... – с трудом произнёс Гена.

– Сейчас, подожди, – воспитательница ушла.

– Страшный сон приснился? – на голос Гена обернулся. На соседней кровати сидел Борис.

– Д-да. Очень страшный.

– По-о-ня-я-ятно, – протянул Борис, – мне тоже сны снились, страшные, но я их победил и теперь не снятся. Ты главное, когда будешь засыпать, думай о чём-нибудь хорошем, меня так мама учила.

– Вот, возьми. Выпей, – вернулась воспитательница с кружкой прохладной, но не холодной воды и Гена с жадностью, взахлёб, принялся её пить. – Не торопись. Успокойся. Вот молодец. А теперь ложись в кроватку, и ты Борь тоже ложись и ничего не бойся. Я посижу рядом.

Гена посмотрел на оставленную на прикроватной тумбочке пустую кружку с водой и нехотя улёгся в кровать. Он не до конца успокоился, его до сих пор тряс едва заметный озноб. Но осмотревшись по сторонам и не заметив ничего опасного или страшного, улёгся головой на подушку, натянул на себя одеяло, но закрывать глаза не стал.

«Надо думать о чём-то хорошем», – произнёс про себя Гена, смотря за причудливым узором, что формировали тени от ночника. Подсознанием он чувствовал, что увиденные образы ему навредить не могут, но ощущение реальности своих снов не отпускало. Он чувствовал каждый камешек, каждый прутик, пока шёл с группой каких-то людей. Он чувствовал тяжесть амуниции и самое неприятное – он ощущал испепеляющий жар солнца и нестерпимую жажду. А когда совсем рядом полыхнуло, его обдало таким жаром, что он не сдержался и закричал. «Надо думать о чём-то хорошем», – повторил он и прикрыл глаза.

Елена Степановна осталась сидеть рядом с кроватью. Не в первый раз ей приходилось коротать ночь в детской спальне. Большинство детей в учреждение прибывало с психологическими травмами, узнав или догадавшись, что со своими родителями они больше не увидятся. И присутствие воспитателя в ночное время вошло в практику. Она прошлась, осмотрела мирно спящих детей, шикнула на Бориса, чтобы и тот ложился, а не баловался с одеялом, и вновь уселась рядом с новеньким.

«Ничего, Гена, освоишься и страхи пройдут», – подумала она, смотря как закрыв глаза, спокойно задышал новенький.

Глава 4

– Генка! – подскочил к идущему подростку паренёк, – тебя Виталий Сергеевич к себе требует.

– Зачем? – удивился подросток. Прошло шесть лет, как оставшись без родителей, он появился среди таких же сирот в закрытом учреждении. Годы взяли своё и вместо пухлого ребёнка сейчас стоял, пристально смотря на своего друга Бориса, изрядно вытянувшийся ввысь паренёк.

– А я откуда знаю. Так что по пути в библиотеку забеги к нему в спортзал.

– Зайду, – ответил Гена.

Через несколько месяцев заканчивается очередной учебный год. Гена учился усердно, старался успевать по всем предметам, но не все они давались с лёгкостью и приходилось часами проводить в библиотеке, изучая дополнительный материал. А что его вызывает к себе тренер по самообороне, его озадачило. Два года назад он вместе с другими ребятами стал посещать обязательные занятия по борьбе, но Гена по телевизору видел соревнования и на борьбу в исходном понимании этого слова то, что преподавали им – малолетним пацанам походило очень отдалённо, даже бои по правилам свободных единоборств, называемыми «боями без правил», сильно отличались от того, чему учил их Виталий Сергеевич.

– Добрый день, Виталий Сергеевич, – зайдя в зал поздоровался подросток.

– А, Гена! Заходи, как раз вовремя, – отозвался из середины зала крепкого телосложения средних лет мужчина. За глаза ребята его звали Шпиндель. Он невысокого, примерно одного и того же роста с ребятами, но обладал такой силой и ловкостью, что проследить произведённое им активное действие с первого раза удавалось не всегда. – У меня к тебе несколько вопросов. При ребятах я не стал спрашивать. Но ответь честно, почему ты не занимаешься? Тебе не интересен мой предмет?

– В смысле, не занимаюсь? – не понял Гена.

– Ген, ваша группа у меня занимается второй год, а только ты так и продолжаешь дурака валять, словно ребёнок, – впервые Гена услышал от преподавателя если не оскорбление, то упрёк, а Василий Сергеевич продолжал, – что ты бегаешь от противника, словно курица с подносом? Почему не отвечаешь? А твои удары??? Они самые слабые из всех. И не скажу, что ты неправильно их выполняешь или силы мало. На тренажёрах ты работаешь с нормальными для своего возраста весами, но вот удары?! Тебе не хватает резкости и скорости выполнения. Но ведь бои с тенью проводишь на отлично. Я лично принимал зачёт и знаю, что ты это можешь! Так ответь, почему ты не бьёшься в спаррингах в полную силу?!

– Я... я боюсь.

– Что??? Ты боишься??? Не смей меня. Если бы это услышал от Виталика или Бориса, то поверил, но от тебя!!! Ты первым, не умея плавать, прыгнул в воду в бассейне, ты первым и пока единственным в таком возрасте прошёл тест на фобии. И замечу, ни одной фобии психолог Марина Викторовна не зафиксировала. И не смотри на меня так. Знаю я. Общаемся с преподавателями. Так что, говори, что случилось, – преподаватель Виталий Сергеевич не по своей воле поднял этот вопрос. Сегодня вечером ему предстоит тяжёлый разговор с директором учреждения. Единственным, кто замер на одном уровне обучения в его дисциплине являлся Гена и это вопрос существенный. Или со следующего года его переводить в другой класс с иной программой обучения, или вообще исключать из программы подготовки. Ведь предмет, что преподавал Виталий Сергеевич являлся основным и красной нитью проходил через все годы обучения, а неспособный совершенствоваться рано или поздно становился тормозом для остальных воспитанников.

– Я боюсь убить напарника, – прошептал Гена. Мучавшие его первые несколько лет пребывания в этом заведении сны ушли на второй план и постепенно стали забываться. Он с ними справился сам, никому не говоря, что ночью его мучают кошмары. У него появились друзья, тот же Борис, что с невозмутимым видом мог рассказывать фантастические истории. И сразу не определишь, врёт он или говорит правду. Или Игорь, что не раз помогал ему разобраться в хитросплетениях грамматики иностранного языка, что Гене давалось с большим трудом. На память он не жаловался, но произношение хромало. Из-за этого он практически каждый свободный час пропадал в библиотеке, в оборудованном там лингвистическом классе, где находились записи диалогов носителей иностранных языков, что помогало освоить трудный для него предмет.

– Хм. Убить? – пробормотал Виталий Сергеевич. Такого ответа он не ожидал, думал, что ученик не может совладать с собой, настроиться на тренировочный бой, который кстати, Гена практически всегда проигрывал. Думал, может какая психологическая травма, что не выявили многочисленные тесты, но ответ его поставил в тупик. – Хорошо, давай зайдём с другой стороны. Я значительно старше, сильнее и выносливее, чем те, с кем проводились спарринги. Я надену на себя защитную амуницию, какая только есть. Тогда ты проведёшь бой в полную силу? Не молчи. Я всё-таки чемпион мира по армейскому рукопашному бою и уверяю тебя, что умею держать удар.

Гена посмотрел на тренера и недолго думая, кивнул.

– Вот и хорошо. Разминайся. А я пока амуницию натяну.

Через пять минут, в середине зала стояли двое: Гена в лёгкой защитной амуниции и тренер, облачённый в полный комплект защитных доспехов. Из-за этого он выглядел неповоротливым, но Гена знал, что впечатление обманчиво. В библиотеке он находил записи боёв тренера, и они вызвали уважение, когда невысокий боец с разбитым в кровь лицом, победно скидывал руки над поверженным противником обладающим массой в два раза больше и ростом на голову выше. Таких моментов он отыскивал множество и поэтому не стал отпираться, согласившись на тренировочный бой, зная, что это именно его соперник.

– В полную силу... – пробормотал Гена, принимая атакующую стойку.

– Ну что, начали!!! – скомандовал Виталий Сергеевич...

Валентина Сергеевна сидела в своём кабинете, разбирала последние результаты тестов. Скоро в учреждении очередная выпуск. Пятеро воспитанников сделают свой первый шаг во взрослую жизнь. О будущем ребят и девочек она перестала беспокоиться. Все они определились куда пойдут дальше учиться, чем будут заниматься, а за годы нахождения в учреждении их научили многому.

– Валентина Сергеевна! – в кабинет вошёл, практически вбежал один из преподавателей.

– Что случилось? Пожар?

– Нет, не пожар, Валентина Сергеевна, – оценив шутку, ответил Михаил Степанович. – Виталий Сергеевич в медпункт попал.

– Что с ним, сердце? – вставая с места, осведомилась директриса.

– Нет. Медик сказал, что множественные переломы грудной клетки. Его срочно необходимо отправить в город, в больницу.

Валентина Сергеевна подняла трубку внутреннего телефона.

– Игорь Леонидович, да, это я. Уже в курсе? Да, срочно нужна машина. Пусть подъедет к медпункту, – положив трубку, она обратилась к Михаилу Степановичу, – рассказывай, что случилось?

– Тренировочный бой, вроде. По крайней мере он сам сказал, да и штатного медика в спортзал вызывали.

– Он в сознании? Что конкретно говорит? Или опять с тренажёрами перемудрил? – в сердцах разозлилась директриса. Её предупреждали, что преподаватель по «самообороне»

фанат своего дела и что только не выдумывает, ради улучшения тренировочного процесса. Даже пришлось поддаться его настойчивости и заказать какой-то суперсовременный тренажёр, имитирующий бой против нескольких противников. И как она знала, это устройство только проходило отладку и настройку, и воспитанники пока не занимались на нём. Вот и подумала, что Виктор Сергеевич переусердствовал, выставил настройки по максимуму, переоценив свои силы.

– В сознании, а что произошло, я точно не знаю.

– Ладно, пошли, поговорим с ним.

Возле расположенного на первом этаже учебного корпуса медпункта толпилось много народа. Среди них преобладали воспитанники. По распорядку как раз время самоподготовки, но под строгим взглядом директрисы толпа зевак быстро поредела.

– Здравствуйте, Николай Петрович, – войдя в кабинет, поздоровалась с медиком директриса.

– А, это вы, Валентина Сергеевна. Проходите. Я как раз закончил осмотр.

– Что с ним? – Валентина Сергеевна кивнула за ширму.

– С Виталием Сергеевичем?

– А есть ещё пострадавшие?! – удивилась директриса. Ей сообщили только об одном раненом.

– Нет, – улыбаясь ответил врач – пожилых лет мужчина с проседью на голове, – у нашего «Рэмбо» множественные переломы рёбер, сколько и сосчитать не смог. Сотрясение мозга. Требуется тщательное обследование. Но при первичном осмотре лёгкие не повреждены. На свет, звук реагирует. Как сам говорит, побывал в глубочайшем нокауте. Хорошо хоть в полной защитной амуниции был, а то бы...

– Понятно, с ним можно говорить?

– Да, но недолго и не кричите сильно, – ухмыльнулся медик, зная нрав директрисы.

– Виталий Сергеевич, как вы себя чувствуете? – в сопровождении медика директриса вошла в соседний медкабинет.

– Валентина Сергеевна, спасибо, теперь лучше, – при виде столь высоких посетителей он попытался встать, но был остановлен медиком.

– Лежите-лежите. Сейчас прибудет машина и вас отвезут в город для дополнительного обследования.

– Я же говорила вам, Виталий Сергеевич, что без специалистов, а тем более в одиночку не заниматься настройкой тренажёра, – не удержалась и высказала своё отношение директриса.

– Это так меня не тренажёр приложил, – натягивая на лицо улыбку, ответил больной.

– Да? Хотите сказать, упали? – съязвила директриса. Она всей душой переживала не только за воспитанников, которых считала своими детьми, но и за тех, кто делился с ними знаниями, что в недалёком будущем помогут остаться в живых.

– Ну, да, упал, – немного подумав, ответил тренер, – но после пропущенных во время тренировочного боя ударов. Вы же сами, Валентина Сергеевна просили обратить внимание на Гену из шестой группы.

– Это воспитанник вас так? – удивился медик.

– Извините, можете оставить нас наедине? – обращаясь к Николаю Петровичу, произнесла директриса. Врач хоть и бывший военный хирург, но не посвящён в особенности учреждения.

– Да-да. Конечно. Я как раз собирался уточнить, где машина, – заторопился медик.

– Рассказывай, – усевшись на стул, потребовала Валентина Сергеевна. Случай оказался неординарным. Она припомнила личное дело Гены из шестой группы: находится в учреждении с раннего детства, средние показатели во всём, в том числе физической подготовке. Успевае-

мостью не блещет, но и не в числе отстающих. Обычный такой середнячок, не выделяющийся из общей массы.

– Что рассказывать, – осторожно вдохнул Виталий Сергеевич, дышать ему трудно, едва только делал вдох, как морщился от боли из-за сломанных рёбер, – как выдалось относительно свободное время, вызвал к себе воспитанника. Хотел с ним поговорить, вывести на откровенный разговор, узнать, почему плохие результаты по моему предмету. Физические показатели в норме, психосоматическая реакция в норме, но...

– Виталий Сергеевич, говорите по существу, я помню, почему просила обратить внимание на Гену «семь ноль», – в учреждении, кроме данного при рождении имени использовалось ещё и кодовая аббревиатура, состоящая из числового обозначения. Гена Провоторов вместо упоминания фамилии в официальных документах получил обозначение «Семь ноль» или «Семьдесят».

– Хорошо, начну без предисловия. Если коротко, для него соперников среди его возраста нет. Хорошо, что послушался и нацепил на себя всю защитную амуницию, а то бы только нашли мой хладный труп.

– Подробнее.

– Реакция быстрая, удар молниеносный. Силы не хватает, но компенсирует идеальным выполнением приёма, – быстро заговорил Виталий Сергеевич, – я сначала не поверил, что получил на первой же секунде удар в грудь, пошёл в атаку, но потом помню, что пропустил двойку и всё... Очнулся, когда Николай Петрович в чувство привёл. Глубокий нокаут, одним словом и самое интересное, я так и не смог нанести ни одного удара.

– Ясно, по завершению лечения составьте докладную записку и подробную. С описанием, что и как говорили с ним. Это важно, вы понимаете?

– Куда уж не понимать.

– Валентина Сергеевна, – в медкабинет вошёл врач, – машина прибыла.

– Да-да, мы закончили. Пойдёмте Виталий Сергеевич.

«Надо график занятий пересмотреть», – думала она, смотря вслед удаляющейся машине, а потом взгляд нашёл стоявшего неподалёку Гену.

– Гена! Подойди сюда. Мне с тобой надо поговорить.

– О Виталии Сергеевиче?

– И о нём тоже, – директриса внимательно следила за реакцией воспитанника, но она оказалась иной, чем предполагала. Она думала, что воспитанник станет оправдываться, говорить, что не хотел, так получилось, но Гена спокойно смотрел ей в глаза. – Пойдём, пройдемся немного.

Директриса не знала с чего начать разговор, но Гена заговорил первым.

– Я говорил тренеру, что боюсь драться с друзьями в полную силу, но Виталий Сергеевич меня убедил, что защитная экипировка и разница в возрасте сравняет наши шансы.

– Не волнуйся, Виталий Сергеевич скоро поправится, и он мне сам сказал, что не в обиде на тебя, а даже рад, что так получилось.

– Рад?

– Конечно, Гена. Насколько знаю, ты первый, кто отправил его на пол.

– На татами, – поправил Гена.

– Да, на татами. И он очень горд, что у него такой ученик, что превзошёл самого преподавателя.

Гена улыбнулся. Приятно было слышать похвалу в свой адрес. Он думал, что на него сейчас будут ругаться, может быть накажут, но этого не случилось и он в душе ликовал, что заслужил похвалу от самой директрисы. Ребята за глаза её называли Шапокляк, но не старуха, а просто Шапокляк. Её пронзительный, колючий взгляд редко кто мог выдержать, но Гена

не боялся смотреть ей в глаза. Он видел в них столько жизненного опыта, что становилось страшно.

– О чём задумался?

– Ни о чём, мне можно идти, а то время самоподготовки заканчивается, а я так и не успел позаниматься в библиотеке.

– Хорошо, Гена, иди.

Валентина Сергеевна вернулась в свой кабинет, открыла дело: «Гена семь ноль» и углубилась в изучение. За десяток лет существования учреждения проявился первый случай великолепных задатков бойца-ликвидатора. Одного знания единоборства мало, но это уже что-то. Из сейфа она извлекла памятку-инструкцию, разработанную в одном из секретных ведомств, пролистнула несколько страниц. Остановилась на пустой форме докладной записки и стала медленно её заполнять:

ФИО: Гена семь ноль

Возраст полных лет: двенадцать

Тест Сонди: норма

Тест Люшера: норма

Диагностика по Айзенку: сангвиник

Тест Леонгарда-Шмишека: выше среднего

Тест Холла: эмпатия

Тест на реакцию: до 150 мс

Тест на внимание: девять из десяти

Тест на лингвистическую интуицию: три...

Тут Валентина Сергеевна остановилась, повторно посмотрела на данные тестов. Нет, не ошиблась. В результате теста на лингвистическую интуицию стояла оценка «три», самая низкая, что она, когда только видела. Подняла итоги предыдущих учебных годов и убедилась, что ошибки нет. Гене с большим трудом давались предметы, связанные с лингвистикой. Из-за этого средний балл у воспитанника выглядел очень низким. По предметам: русский язык, литература, английский язык, французский, испанский, оценки едва дотягивали до «удовлетворительно», но остальные предметы, если не брать прикладные и специальные, имели твёрдое «хорошо» и «отлично».

– Теперь понятно, почему он выглядит серой мышкой и не сразу его заметили. Не на те предметы делали упор. Не даются ему иностранные языки, и чтобы не отставать от сокурсников, он много времени проводит в библиотеке, теряя тем самым уверенность в себе и самое главное время. Ладно, переключим его на то, что лучше всего получается, – вслух произнесла свои умозаключения Валентина Сергеевна и принялась составлять индивидуальный план занятий для Гены семь ноль.

Глава 5

– Разрешите Виктор Степанович? – в просторный кабинет вошёл офицер.

– Что у тебя? – оторвавшись от изучения корреспонденции, поинтересовался мужчина в чине генерала-армии.

– Фельдъегерь доставил отчёт о работе специального учреждения номер шестнадцать, – ответил адъютант.

– Оставь, потом посмотрю, – произнёс мужчина.

Его – генерала-армии Щеглевых Виктора Степановича буквально полгода назад назначили министром обороны страны и в полной мере освоиться на новой должности он не успел. После ставшего легендарным руководителем военного ведомства Васильева Сергея Александровича, возглавлявшего министерство без малого десять лет, прошло почти три года и за короткий срок на этом высоком посту сменилось шестеро руководителей. Он седьмой. За недолгий срок пребывания на высокой должности не только разобраться, вникнуть во множество закрытых, секретных разработок и статей расходов, попросту невозможно. И вот сейчас очередной «подарок» – отчёт о работе не встречавшегося ни разу по прежней службе в Генеральном штабе учреждения номер шестнадцать.

– Соедините с начальником Генерального штаба, – подняв трубку селектора, произнёс министр. Через несколько секунд послышался знакомый голос.

– Слушаю, Виктор Степанович, – говорил его бывший непосредственный начальник – Крутских Игорь Васильевич. В военном ведомстве только начальник Генерального штаба генерал-армии Крутских занимал свою должность дольше всех и, сохраняя дружеские взаимоотношения с бывшим сослуживцем, как не ему звонить и уточнять возникающие вопросы.

– Всё на работе?

– Так точно, нужна помощь?

– Да, Игорь Васильевич, сам понимаешь, трудно за такой короткий срок объять необъятное. Вот и появляются вопросы. Но давай к делу. Тебе о чём-то говорит наименование: «Учреждение номер шестнадцать».

– На вскидку, – недолго думая, произнёс Крутских, – ответить не могу. Скорее всего это детище Васильева. За долгий период службы впервые слышу эту аббревиатуру. Но сам знаешь, допуски разные. И начальник Генштаба не всё знает, а про любовь Васильева к секретности, по-моему, наслышаны все.

– М-да, ты прав. Жаль, что он не успел передать свои знания, ввести в курс дела кого из приемников.

– Что поделаться, сердце не выдержало. В своём кабинете, на рабочем месте скончался.

– Да, помню, присутствовал на похоронах. Я тут проверил базы данных своих предшественников, но упоминания об этом учреждении не встретил.

– И такое может случиться. Скорее всего финансирование заложено на три-пять лет с ежегодной корректировкой суммы. Если не выходили за предельный лимит, то до достижения конечного результата никто и не услышит о разработке.

– В том-то и дело, Игорь, это не разработка изделия или строительство какого-то объекта, а... я пробежался по диагонали по отчёту. Выходит, что это какая-то спецшкола.

– Спецшкола? – в голосе начальника Генерального штаба послышались нотки удивления, – Василию Михайловичу не звонил?

– Начальнику ГРУ⁵?

⁵ ГРУ – Главное Разведывательное Управление

– Да. Спецшколы по его ведомству проходят.

– Возможно-возможно, – задумчиво произнёс министр обороны. – Ладно, благодарю. Завтра на совещании увидимся, – закончил разговор Щеглеватых и вновь погрузился в скупые строчки отчёта. Теперь ему стало понятно, почему в базах данных предшественников нет упоминания о таинственном учреждении. Они просто не получали такой отчёт. А сейчас видимо исчерпан лимит финансирования и для утверждения нового, предоставлен отчёт о потраченных средствах.

Щеглеватых перевернул страницы, найдя сводную объективку. Выходило, что учреждение действует четырнадцать лет. Министр хмыкнул. Последние четыре года он занимал высокие должности в ведомстве, но ничего не слышал об учреждении. Он поднял трубку селектора и произнёс:

– Соедините с начальником ГРУ, – на этот раз пауза затягивалась, а потом в трубке раздался голос адъютанта, – товарищ министр, Василий Михайлович находится в самолёте, что сейчас заходит на посадку. При первой возможности он свяжется.

– Принято, отставить, – немного подумав, отдал приказ министр.

«Завтра в полдень совещание. Там с ним и поговорю», – здраво рассудил генерал-армии, кладя трубку селектора...

– Василий Михайлович, задержитесь, – завершив координационное совещание, произнёс министр. Четыре часа докладов, обсуждений, вымотали всех, но дела ждать не могут.

– Слушаюсь, – коротко ответил генерал-полковник.

– Пойдёмте, поговорим. Есть несколько вопросов, думаю, что по вашей части, – открывая дверь комнаты отдыха, проговорил министр.

Расположились в удобных креслах. Адъютант подал заварной чайник, расставил чашки, тарелки с лёгкой закуской и удалился.

– Весь внимания, товарищ министр обороны, – подался вперёд Гудков.

– Василий Михайлович, в приватной обстановке давайте на «ты». Хотя вопросы и касаются работы, куда ж без этого, но так проще, – уловив короткий кивок, министр продолжил, – вы не стесняйтесь, наливайте чай, перекусите, а я вкратце изложу, почему попросил вас задержаться. На днях мне доставили отчёт о некоем учреждении номер шестнадцать, где, как понял, проходит обучение спецконтингент. Никаких приказов о создании и прочих распоряжений найти не смог. Можете что-то пояснить по этому поводу? – задал основной вопрос министр. Отправлять в номерное учреждение комиссию он не торопился, постарался сначала сам разобраться, что, почему, а главное с какой целью столько лет действует учреждение, о котором никто не знает.

– Шестнадцатое учреждение? – переспросил Гудков, но тут же продолжил, – как же, помню. Я как раз, лет десять-одиннадцать назад курировал его. Помните, конфликт на Дальнем Востоке, в ЦАР⁶, «Летняя война» в Заполярье ...

– Помню, – нехотя признался действующий министр обороны. В те годы он занимал пост командира сто шестой Дальневосточной отдельной гвардейской моторизованной дивизии и конфликт на Дальнем Востоке не обошёл его стороной. С обеих сторон конфликта много погибших, массированные прилёты из-за горизонта не смогла отбить система ПВО и обоюдные потери оказались столь высоки, что пришлось в корне менять не только подготовку в армии, но и практически с нуля создавать, менять концепцию боевого применения не справившейся с запредельной нагрузкой войск противовоздушной обороны.

– Так вот, в тот период было много потерь среди личного состава. А контрактники все люди семейные и в большинстве случаев оба супруга носили погоны. Когда накрыли гарнизон «Норильска-б»...

⁶ ЦАР – Центральноафриканская Республика

– Я помню, не надо... – прервал министр. Среди погибших мог оказаться и он, и его семья. Буквально за месяц до трагедии он получил новое назначение и убыл на Дальний Восток принимать дивизию. Он иногда вспоминал тот день, когда получил известие о ракетном ударе и, будучи неверующим, каждый день благодарил Бога и скорбел о погибших.

Повисла пауза, превратившаяся в минуту молчания.

– Осталось много детей, чьи родители – военные, погибли, – продолжил Гудков, – и Васильев своим волевым решением, минуя бюрократическую процедуру согласования, распорядился организовать специнтернат для детей военнослужащих, оставшихся без попечения родителей. Насколько помню, первой директрисой в нём была бывшая сотрудница нашего управления. Настоящего её имени никто так и не знает, но выдающаяся личность. Некоторые проведённые ею операции вошли в учебник и разбираются на занятиях при подготовке агентов. Но насколько знаю, она ушла из жизни пару лет назад.

– Да? А специнтернат, кто им руководит сейчас? – удивился министр. В особенности подготовки сотрудников внешней разведки он не лез. Не его вотчина, но что, проверив базы данных за последние три года, он не нашёл ни единого приказа или простого упоминания об этом учреждении, было странно, а тем более узнав, что руководителя такого секретного учреждения несколько лет нет в живых и нет ни приказа о назначении нового, ни иного документа, хоть как-то проливающего свет на деятельность учреждения.

– Руководит им сейчас генерал-полковник в отставке Полушкин Митрофан Степанович.

– Имя отчество, тоже вымышленное?

– Конечно, – ответил Гудков.

– А почему нет ни приказов, ни других упоминаний об учреждении в базах данных предшественников? – спрашивать о профиле учреждения и контингенте министр не стал. Есть информация, о которой знают только единицы и лезть в чужой огород со своим уставом он не стал. – Хотя, – тут же продолжил министр, – понял. Финансирование утверждено, работа налажена, а выпускники по линии вашего ведомства проходят. Но постойте. Как понял, воспитанники – дети!

– Всё верно. Насколько помню, в учреждение поступали дети разного возраста, начиная с двух лет.

– А сейчас?

– Сейчас ответить затрудняюсь. Могу уточнить.

– Уточни и завтра вечером доложи.

Рабочая беседа закончилась. До следующей рабочей встречи оставалось время, и министр углубился в изучение сводок невозвратных потерь. За последние два года они значительно снизились и всё благодаря освоению ближнего космоса. Космическая группировка из спутников слежения, наведения, связи, целеуказания, не считая боевых – ударных, значительно возросла и была объединена в единую мощную силу – космические силы.

Космические силы страны относительно молодой род войск. Не сравнить с основанными в далёкие годы воздушно-десантными или теми же ракетными войсками стратегического назначения, но влияние именно космических сил на военную науку неопределимо.

Министр ухмыльнулся, вспоминая, как буквально десяток лет назад ратовали за танковые армады, готовые по приказу преодолеть сотни километров, сметая всё на своём пути, созданию высокоточного оружия, способного залететь в открытую форточку, появлению беспилотных ударных аппаратов, способных сеять смерть, когда оператор находится в непрямом контакте с противником. Но всё это оказалось прошлый век.

– М-да... – тяжело вздохнул Щеглевых, – правду говорят, генералы всегда готовятся к прошедшей войне.

Надо отдать должное бывшему министру обороны – Васильеву, что вóвремя разглядел новый виток развития военной науки, но к сожалению, воплотить в жизнь все задумки не

успел. Освоение ближнего космоса, сеть стационарных спутников, с запасом перекрывающая практически всю территорию планеты стала приоритетным направлением и кардинально изменило вероятностный ход возможных военных конфликтов. Время ответной реакции на угрозу сократилось в десятки раз. Если совсем недавно скорость принятия решения об ответно-встречном ракетном ударе исчислялось десятками минут, то сейчас решение принимается за считанные минуты и не факт, что ракеты агрессора достигнут своей цели. Не говоря о том, что сам факт приготовления к агрессии будет виден как на ладони. Не секрет, что оптика зависших геостационарных следящих спутников позволяет разобрать время на циферблате стрелочных наручных часов, не говоря о радиоэлектронном «ухе», способном зафиксировать повышенную активность в широком диапазоне радиоволн, а созданный алгоритм принятия решения свёл на нет многоуровневое шифрование, сделав его бессмысленным.

Конечно и сейчас не обойтись без сухопутных мотострелковых дивизий, военно-морского флота и других мобильных формирований, но их роль свелась к иному, к фактору устрашения. Когда вероятный противник знает, что где-то в глубине Мирового океана находятся на боевом дежурстве подводные лодки, то не один раз подумает, а стоит ли показывать зубы в зверином оскале, гарантированно зная, что получишь по наглой морде. И вполне понятно, что не будешь палить по наводке с орбитального спутника из высокоточного оружия по банде пиратов, что обосновались на оживлённом судоходном маршруте или по группе местечковых бандитов, возомнивших себя пупами Земли. Как говорится, войны выигрывают не только люди, но и государства с налаженной экономикой. Прошлое знает много примеров, когда патристический порыв захлёбывался под треск пулёмётных очередей, когда одна винтовка на трёх-четырёх солдат, когда патроны закупались за золото...

Щеглеватых тяжело вздохнул.

– Какие-то мысли непонятные лезут, – проговорил он вслух, – что там у нас в сводке о невозвратных потерях. Так-так, – министр вошёл в защищённую базу данных. Посмотрел динамику за последние два года. Вышло, что невозвратные потери значительно снизились. – А теперь выберем погибших супругов, – в фильтр базы данных он ввёл необходимые значения и получив результат, откинулся на спинку кресла. – Хорошо, даже очень хорошо. За два года всего три случая совпадения и в сводке не упоминается, имелись ли дети у погибших.

Щеглеватых ввёл фамилии погибших из числа семейных и получив результат, расслабился. База данных выдала результат, что среди погибших супругов детей, оставшихся без попечения родителей, не зафиксировано. На экране красовалась единственная цифра «ноль».

– Ладно, с горяча принимать решение не будем. Завтра вечером Гудков доложит и тогда посмотрим, но выходит, что надобность в учреждении номер шестнадцать отпала. Если конечно...

– Разрешите, товарищ министр обороны, – не успел додумать свои мысли Щеглеватых, как по селектору к нему обратился адъютант.

– Да, слушаю.

– Через пять минут видеоконференция Совета безопасности.

– Да, помню. Через минуту подключай, – министр обороны встал, подошёл к зеркалу, поправил мундир и вернулся в кресло. Предстоял долгий разговор.

– Внимание! Проверка связи, – раздался из громкоговорителей голос администратора видеоконференции, – освободите от посторонних помещение. Первая фаза: проверка защищённого канала, вторая фаза – проверка...

Через три часа министр обороны устало откинулся на спинку кресла.

– Сегодня что-то быстро, – он взглянул на часы. Половина восьмого вечера. – Адъютант! Есть что-то срочное? – осведомился у офицера и получив ответ, распорядился, – вызови машину, на сегодня всё. Если что, я дома на связи.

Всю дорогу из головы министра обороны не выходил произошедший во время видеоконференции разговор. Министр финансов настоятельно доказывал, нет, он требовал снизить расходы бюджета на содержание вооружённых сил, ссылаясь на достигнутый паритет и прочую лабуду, убеждая Президента и всех собравшихся в нерациональном использовании и без того скудных бюджетных средств. А на его – Щеглеватых, напоминания, что если государство не содержит свою армию, то придётся содержать чужую, только отмахнувшись, изобразив презрение к урокам истории.

– Что-то грядёт, – сидя в машине, размышлял в уме министр обороны, вспоминая докладные записки аналитического отдела, но ничего заслуживающего внимания или настояжывающего его память не подсказывала.

Следующий день прошёл в рутине работы и только под вечер, когда адъютант доложил об ожидающем в приёмной начальнике Главного разведывательного управления, министр обороны вспомнил о своём распоряжении, данном прошлым днём.

– Проходи, Василий Михайлович, мог бы и удалённо доложить.

– Я так и планировал, но пришлось лично доставить кое-какие документы и не преминул зайти, если уж нахожусь рядом.

– Понятно, присаживайся. Узнал, что просил?

– Да. Если коротко, то в учреждении сейчас находится сорок восемь воспитанников. Год назад было больше, но шестерых забрали дальние родственники, а через три года, если ничего не случится...

– Сплюнь.

– Тьфу-тьфу, к чёрту! В учреждении и вовсе останется всего двадцать три.

– А воспитатели и прочее?

– Основной костяк, согласно разрядке, утверждённой ещё Васильевым это сотрудники моего ведомства в отставке, а вот приглашённые преподаватели...

– И такие есть? Ладно, если эта такая тайна за семью печатями, то не говори.

– Нет, не тайна. Узкоспециализированных специалистов, способных донести, объяснить предмет несовершеннолетнему ребёнку без заумных фраз и туманных объяснений, осталось мало. Представители фундаментальной, профессорско-преподавательской школы уже в годах и от них толку мало, а молодые ещё не вошли в тот период, чтобы делиться знаниями.

– Загнул, что ничего не понял. Ладно, как понимаю, результат от создания специнтерната есть, и положительный. Дети под присмотром, сыты, здоровы и... – тут министр обороны сделал паузу и с хитрецей посмотрел на начальника ГРУ.

– И обучены, вы это хотели сказать. Да, практически все прошли достаточно серьёзную подготовку и заложенные в них знания пригодятся, если не прямо сейчас, так в недалёком будущем.

– Похвально-похвально, – задумчиво произнёс министр обороны, пропустив мимо ушей последнюю фразу. У него в мыслях зародилась хорошая идея: что, если совсем припрёт, отдать на заклание.

Глава 6

– Генка! Харэ «Серых» мучить! А то опять тренажёр сломаешь и что потом делать?! Давай, иди скорее, тебя директор вызывает! – в спортивный зал вбежал парнишка лет четырнадцати. Его взъерошенные волосы торчали в разные стороны и казалось, что живут своей отдельной от носителя жизнью.

– Сейчас, только закончу, – пробормотал, не отвлекаясь от занятий с тренажёрами. Я в очередной раз пробовал одержать победу над тренажёром на максимальных настройках, но сколько раз не пытался, это не удавалось. Шесть лет упорных тренировок, индивидуальные занятия со Шпинделем не пропали даром, но так и не получалось победить тренажёр, имитирующий группу захвата из четверых, слаженно, как единое целое действующих противников. Казалось, что тренажёр сам обучался, каждый раз выдавая новые финты и обманки, и всякий раз я оказывался лежащим на полу с заломанными за спиной руками.

Имитаторы приближались, беря объект атаки в кольцо. Я осторожно отступал, но уже знал, что эта тактика не принесёт положительного результата, как только до границы отведённой для боя территории окажется меньше метра, все четверо ринутся в атаку. Но я именно этого и ждал, готовясь контратаковать.

Ещё полшага назад и противники-имитаторы кинулись в атаку, но я опередил. Выбрав одного, что крайний слева, сменил вектор движения и кинулся на противника, оставаясь с ним один на один в короткой схватке. Остальные трое были выключены из боя – им требовалось несколько драгоценных секунд, чтобы сменить неудобную позицию, когда вектору их атаки мешает такой же боец-имитатор как они. Надо отдать должное, что как ни пытался заставить имитаторы игнорировать заложенные программно алгоритмы «свой-чужой», но обойти ограничение и вынудить бойцов-имитаторов сойтись в бою между собой мне не удавалось.

Быстрая, едва уловимая атака по уязвимым точкам и ближайший боец-имитатор застыл, а затем ушёл в спящий режим, сигнализируя выход из боя после полученных повреждений.

«Надеюсь, что ему хана», – тихо пробормотал, но сделал для себя пометку в уме произвести контроль вышедшего из строя бойца-имитатора, а то имелся горький опыт, что якобы потухший имитатор вновь, хотя и с иной, меньшей скоростью и расстроенной координацией вошёл в бой.

Бойцы-имитаторы перестроились. Средний отступил назад, стараясь вывести на себя противника, дав тем самым своим союзникам возможность сомкнуть клещи и начать атаку с трёх сторон. Но я проигнорировал якобы допущенную тактическую ошибку и бросился в атаку на ближайшего слева противника, тем самым вновь отрезая остальных бойцов-имитаторов от действий в слаженной группе. Обмен ударами, неудавшаяся подсечка и пропущенный толчок в грудь заставил отскочить назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.